

ISSN 2072-8530

Вестник

МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия

Философские
науки

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН
ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ «ДЕВИЧЬЕЙ ПОВЕСТИ»

ЦЕННОСТИ-ЦЕЛИ И ЦЕННОСТИ-СРЕДСТВА
УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

ЭСТЕТИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА
ПРАВОВЫХ ЯВЛЕНИЙ

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ ДИНАМИКИ
«АМЕРИКАНСКОЙ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОСТИ»

2015 / № 1

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I. ОНТОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ

<i>Коровин С.В.</i> ПРОБЛЕМА СТАТУСА ТЕКСТА В РАМКАХ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОГО НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ.....	6
<i>Соколов М.М.</i> МОДЕЛЬ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЛИДАРНОСТИ ФИЛОСОФИИ ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ НАУКИ	15

РАЗДЕЛ II. СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

<i>Бакурадзе А.Б.</i> ЦЕННОСТИ-ЦЕЛИ И ЦЕННОСТИ-СРЕДСТВА УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....	20
<i>Беляева З.К., Песоцкий В.А.</i> ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ «ДЕВИЧЬЕЙ ПОВЕСТИ».....	30
<i>Горбунов А.С.</i> ПРОБЛЕМА СУВЕРЕНИТЕТА ЛИЧНОСТИ В ОБЩЕСТВЕ МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ	40
<i>Горностаева Л.Г.</i> ЭСТЕТИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА ПРАВОВЫХ ЯВЛЕНИЙ	47
<i>Киселев В.И.</i> ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ КОНВЕРГЕНЦИЯ СУБЪЕКТОВ СОВМЕСТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	54
<i>Равочкин Н.Н.</i> ПРОБЛЕМА ВОСПРИЯТИЯ ИДЕОЛОГИИ КАК ТИПА ДУХОВНОГО ОСВОЕНИЯ РЕАЛЬНОСТИ.....	61
<i>Судаков С.С.</i> СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ ДИНАМИКИ «АМЕРИКАНСКОЙ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОСТИ»	68
<i>Наши авторы</i>	74

CONTENTS

SECTION I. ONTOLOGY AND EPISTEMOLOGY

<i>S. Korovin.</i> THE PROBLEM OF TEXT STATUS IN SOCIAL HUMANITIES.....	6
<i>M. Sokolov.</i> THE MODEL OF POLITICAL SOLIDARITY IN PHILOSOPHY OF POST-NON-CLASSICAL SCIENCE.....	15

SECTION II. SOCIAL PHILOSOPHY

<i>A. Bakuradze.</i> GOAL VALUES AND FUND VALUES IN MANAGEMENT	20
<i>Z. Belyaeva, V. Pesotsky.</i> PRE-REVOLUTIONARY “MAIDEN TALE” AS IDEOLOGICAL PHENOMENON.....	30
<i>A. Gorbunov.</i> THE ISSUE OF INDIVIDUAL SOVEREIGNTY IN MASS COMMUNICATION SOCIETY	40
<i>L. Gornostaeva.</i> AESTHETIC EVALUATION OF LEGAL PHENOMENA	47
<i>V. Kiselev.</i> THE ENERGY CONVERGENCE OF JOINT ACTIVITY SUBJECTS	54
<i>N. Ravochkin.</i> THE PROBLEM OF IDEOLOGY PERCEPTION AS A TYPE OF SPIRITUAL EXPLORATION OF REALITY	61
<i>S. Sudakov.</i> SOCIO-PHILOSOPHICAL ANALYSIS OF THE DYNAMICS OF “AMERICAN EXCEPTIONALISM”	68
<i>Our authors</i>	74

РАЗДЕЛ I. ОНТОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ

УДК 168.522

Коровин С.В.

Воронежский государственный педагогический университет

ПРОБЛЕМА СТАТУСА ТЕКСТА В РАМКАХ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОГО НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ

Аннотация. В статье рассматривается проблема статуса текста в рамках социально-гуманитарного научного познания посредством философского анализа, философско-герменевтического, семиотического и общекультурного подходов к проблеме текста. На основе проведенного анализа делается вывод, согласно которому попытки абстрактно-структурного рассмотрения текста, предпринятые в частности в рамках семиотического подхода к нему, тем не менее не преодолели необходимости обращения к субъекту познания, выполняющего смыслообразующие функции в соотношении текст – познание текста.

Ключевые слова: социально-гуманитарное познание, текст, субъект, семиотика, философская герменевтика.

S. Korovin

Voronezh State Pedagogical University

THE PROBLEM OF TEXT STATUS IN SOCIAL HUMANITIES

Abstract. The article examines the problem of text status in socio-humanitarian knowledge by applying the techniques of philosophical and philosophically hermeneutic analysis, semiotic, and cultural approaches. The conclusion is made that abstract-structural examination of the text in semiotics has not overcome the need for treatment of the subject of knowledge performing semantic functions in “text-knowledge of the text” relations.

Key words: socio-humanitarian knowledge, text, subject, semiotics, philosophical hermeneutics.

Текст, являясь важнейшей категорией социально-гуманитарного познания, подвергается сегодня ряду значительных тенденций, имеющих качественный характер. Данное обстоятельство является следствием характеристик социокультурной среды, в которой существует текст. Идеи, проявляющие себя в поле

постструктуралистских и постмодернистских философских построений, заключающиеся в утверждении «смерти автора» и стремлении к анализу текста в отрыве от автора и субъекта, имея под собой определённые основания, проявляющие себя в социальной реальности, вместе с тем можно охарактеризовать в том числе и как крайне спекулятивные, так как любой текст все же создается и интерпретируется человеком, что в свою очередь ослабляет их эвристический потенциал.

Многообразие подходов от общеполитических до конкретно-дисциплинарных к изучению текста создаёт трудности для определения статуса текста в научном познании и социуме. Вместе с тем в настоящее время представляется возможным выделить ряд направлений, в наиболее общем виде репрезентирующих многочисленные подходы к пониманию и трактовке текста. Приведенные ниже направления предполагается возможным воспринимать, как развивающиеся в общем поле «лингвистического поворота», что в свою очередь определяет условность их разграничения, проявляющуюся в частности во взаимном присутствии во всех из них некоторых схожих построений. Другим аспектом, принуждающим нас указывать условность разграничения, является их общий вклад в формирование идей онтологии неклассического типа [10, с.125]. Вместе с тем основой для выделения данных направлений является понимание в них роли и места познающего субъекта.

Один из подходов к тексту заключается в себе его понимание, как мира опосредованного через текст и в таком виде данного познающему субъекту. В

данном случае граница текста определяется границами мира, реальности, это в конечном счёте приводит к тому, что понимание границ текста расширяется до бесконечности. Данное обстоятельство выражается в частности в формировании представления о бесконечном количестве смыслов, порождаемых текстом в результате таких процессов как творчество, интерпретация, понимание присущих в конечном счёте познающему субъекту (интерпретатору или автору).

Подобное понимание текста начинает проявлять себя в философской герменевтике, выводящей понимание на онтологический уровень. Вместе с тем изучение философской герменевтики демонстрирует достаточно парадоксальную ситуацию, выражающуюся в том что традиционная герменевтика, в её изначальном «дофилософском» понимании, обладающая дисциплинарным характером имеет непосредственное отношение к тексту как таковому вне зависимости от того какие качества, смыслы, содержания несёт в себе данный текст. Развиваясь на философском уровне, современная герменевтическая традиция, идущая в первую очередь от Г.-Г. Гадамера, включила текст в ряд неглавенствующих понятий. Подобная ситуация, сложившаяся вокруг текста в рамках философской герменевтики, отмечается в частности Ю. М. Немцевым, исследовавшим историко-философский аспект герменевтической философии [8]. Основные выводы автора относительно понимания текста в философской герменевтике Г.-Г. Гадамера указывают на отсутствие в нём какого-либо учения о философском тексте, данное утверждение вероятно ак-

туально не только для философского текста, но и для текста вообще. Каковы причины того, что в философской герменевтике «текст как таковой не становился предметом специального анализа» [7, с.36].

Причины указанного выше вероятно следует искать в области понимания Г.-Г. Гадамером изначальных позиций познающего. При рассмотрении данной проблематики интересным представляется то, что самим Г.-Г. Гадамером была указана определённая общность, существующая между герменевтикой и семантикой, а именно то, что «и семантика и герменевтика оставили попытки выйти за пределы языка, как первейшей формы данности всякого духовного опыта» [2, с. 60]. Уже исходя из данного утверждения, можно говорить об определённой причастности философской герменевтики к пониманию текста, как мира опосредованного через текст и в таком виде данного его интерпретатору, то есть интерпретатору мира через текст (язык). Вместе с тем семантическая, входящая в семиотическую, и философская герменевтическая традиции всё же расходятся в своём понимании текста, в первую очередь причины данного расхождения следует искать в понимании места познающего субъекта в мире, в структуре его собственной бытийности. Указанное расхождение проявляет себя в понимании соотношения текста и языка, основным здесь будет являться понимание того, что язык намного более экзистенциальное образование, по крайней мере в его отношении к человеку, нежели чем текст, в то время как текст носит металичный, социальный характер, порождает объективированный смысл.

Вместе с тем гомогенность языка и познающего субъекта, проявляется в том числе и в большей фундаментальности языка по отношению к тексту, а текст в свою очередь запечатлевший в себе объективированный смысл, созданный посредством языка в обмен на потерю языковой фундаментальности, обретает большую методологическую приемлемость. В философской герменевтике семиотика предстаёт лишь как попытка поверхностного рассмотрения внутреннего мира языка. Характеризуя расхождения в понимании языка, существующие между герменевтикой и семантикой, Г.-Г. Гадамер прямо указывает на то что: «герменевтика же сосредоточивается на внутренней стороне обращения с этим миром знаков или, лучше сказать, на таком глубоко внутреннем процессе, как речь, которая извне предстает как освоение мира знаков» [2, с. 60]. Исходя из общего контекста философской герменевтики, можно говорить о том, что речь в данном случае идёт не о сосредоточивании в его методологическом понимании, а сосредоточивании как обретении истинного бытия, здесь-бытия, осознанного существования, проявляющего себя не через что, кроме как понимание. Таким образом, можно говорить о том, что само положение интерпретатора таково, что оно не позволяет ему выйти за пределы собственного языкового понимания для того, чтобы обрести полноценный статус субъекта познания, или другими словами, чтобы взглянуть на текст «со стороны», для того, чтобы выделить его, как объект познания. Сам языковой процесс подразумевает, согласно Г.-Г. Гадамеру, «пребывание “внутри слова”, когда на него уже

не смотрят как на предмет» [2, с. 59]. Подобный взгляд на понимание места интерпретатора в философской герменевтике оставляет достаточно мало оснований для сомнения в тезисе, согласно которому: «Философская герменевтика есть научение правильному отношению к тому, внутри чего мы с самого начала находимся» [6]. Понимание характеризуемое, как отношение к реальности вообще [7, с. 36], тем самым сформировало предпосылки для дальнейшей проблематизации роли и отношения субъекта к познанию мира и в частности текста. Исходя из прагматических установок, представляется возможным рассмотреть философскую герменевтику, как минимум в двух смыслах. Первый из них будет определять философскую герменевтику, а конкретнее идею понимания, как метод гуманитарного познания. Второй смысл будет заключаться в определении философской герменевтики, как способа философствования и как следствие способа формирования фундаментальных представлений о мире. Применение понимания, как метода познания в социально-гуманитарных науках, вновь ставит перед применяющими его проблему вычленения текста из всего окружающего массива знания и главное из языка, как такового. Проблема определения гносеологического и онтологического статуса текста, в том числе в его экзистенциальном преломлении, является тесно связанной с процессом рефлексии над модерном, ярко проявившимся в постструктуралистской и постмодернистской философии, в рамках которой текст приобрел известные пантекстуалистские качества [4, с. 73]. Исследователями постмодернистской философии в

частности делаются выводы, согласно которым «учитывая содержательную объемность понятия “текст”, это понятие аннулирует самого себя: будучи всем, оно становится ничем» [3].

В чём смысл, если текст обозначая всё, в конце концов теряет всякий смысл? Язык, как явление фундаментальное, как следствие этого имеет жесткие привязки к истории, контексту, культуре в её исторических особенностях, в конечном счете имеет привязки к субъекту как носителю языка. В данном случае примечательно для нас такое устойчивое словосочетание как «носитель языка», демонстрирующее пусть и в неявной форме существующую связь между языком и его носителем, применительно к нашей теме, демонстрирующее связь с субъектом, в то время как словосочетание «носитель текста» звучит крайне абсурдно. Текст, представляя собой более легковесную конструкцию, гораздо больше подходит для оперирования постмодернистскими идеями, его гораздо проще представить в интерсубъективной или вовсе бессубъективной форме, особенно если этот текст трансформируется в свою гипертекстовую или интертекстовую форму. В конечном счёте текст гораздо проще изолировать и перекрыть ему выход к социальной реальности, за неимением выхода к которой последняя также сводится к тексту. В результате того, что текст изымается из языка, вне поля текста остается и его интерпретатор или применительно к нашей проблематике субъект познания, если под последним понимать осознанно действующую личность, наделенную способностью к рефлексии и осознанию окружающей его реальности.

Субъект, оказавшийся исключенным из поля текста, оставшись в своей культурной традиции, продолжает интерпретировать, создавать смыслы, но не выходит к частным наукам, опирающимся на текст, так как он не имеет выхода из герменевтического круга. Подобная задача просто не ставится в философской герменевтике, так как выходит за рамки целесообразности, заключающейся в необходимости приобщения к тому и понимания того в чем изначально находишься, то есть к культурной традиции, восприятие и интерпретация которой даёт возможность полноценно бытийствовать интерпретатору.

Проблемность возникает здесь именно в тот момент, когда пересмотру или даже негативистским оценкам подвергается сама традиция. Творящий субъект, обретший истинную бытийность в процессе приобщения к культурной традиции, в постмодернистской философии оказывается вне поля её интереса, его место занимает человек массовой культуры, не способный создавать собственные смыслы, а способный только воспринимать уже созданное. В этом смысле проявляется вся условность процесса «смерти автора», иными словами «умерший автор», зафиксированный в рамках рефлексии над модерном, в реальности никогда и не «рождался».

Рассмотрение проблематики статуса текста в социально-гуманитарном познании и его философском уровне неминуемо приводит к необходимости рассмотрения оппозиции реальность-язык и реальность-текст. Наши основные построения относительно понимания статуса языка в социальной реальности были отражены выше, в их

трактовке относительно философской герменевтики. Необходимость рассмотрения оппозиции реальность-текст, своими истоками уходит в область семиотики, а именно понимания текста, как знаковой системы, выражающееся через его семиотико-ценностную трактовку. Исходной позицией семиотического подхода к тексту является формирование оппозиций текст – не текст и текст – другой текст [5, с. 17], выработка которой опирается на значительное количество факторов, имеющих прагматический, гносеологический, аксиологический, обыденно-жизненный характер. В данном случае необходимо обозначить то, что семиотическое понимание текста выходит за традиционные лингвистические рамки, в которых текст понимается, как четко структурированный, законченный феномен (объект), обладающий внутренней непротиворечивой логикой, которой определяются границы текста, что выражается в понимании сущности знака и знаковости.

Подобное понимание текста происходит в поле культуры, вследствие чего «сам факт лингвистической выраженности перестает восприниматься как достаточный для того, чтобы высказывание превратилось в текст» [5, с. 25]. На практике это проявляется в том, что понимание текста не привязывается к письму как таковому, исходя из данной позиции возникает возможность говорить о устном тексте, тексте искусства, тексте дописанных цивилизаций. Объединяющим и исходным началом в данном случае является наличие определенной знаковости, присутствие того или иного знака или системы знаков определяет наличие или отсутствие текста. Формирова-

ние знаковости имеет неразрывную связь с субъектом текста, в рамках семиотики обретающего статус создающего или передающего и воспринимающего [5, с. 19]. Формирование знаковости, как было указано выше, не имеет строгой соотнесённости с письмом, так «естественный жест актёра в игре приобретает знаковое значение» [1, с. 302]. Вместе с тем несводимость знака к письму, не указывая на главенствующую роль письма в понимании статуса текста, по крайней мере в рамках современного мира. Антитеза текст – не текст, проявляет себя посредством выраженности, в то время как выраженность вырабатывается в её отнесенности к культуре. Культурная обусловленность выраженности проявляет себя в декларировании конкретных форм, необходимых для обретения статуса текста, и, как следствие, обозначения не текста. Среди указанных форм выраженности может присутствовать: фонологическая выраженность, графическая выраженность, как способы знаковой фиксации, либо «как требование определённого материала для закрепления» текста [5, с. 26]. Необходимо заметить то, что идея выраженности имеет явный не линейный характер, определяющийся прежде всего констатацией того, что различные формы и средства выраженности текста, являются не постоянными, изменяющимися во времени, но при этом одновременно сосуществующими, обратимыми. Так выраженность дописменной культуры, проявляющаяся в форме «сверхъязыковой организации высказывания» например в форме пословиц, вновь частично проявляет себя уже в эпоху распространения «механических го-

ворящих средств», когда графическая выраженность для текста вновь становится не обязательной [5, с. 26]. Таким образом, преемственный процесс развития общества, не является «застрахованным» от возрождения определенных архаичных представлений и конструктов, функционирующих уже в рамках современности и вследствие этого не являющихся полной копией существовавшего ранее, но несущих в себе отдельные черты и характеристики этого существовавшего ранее. Характерной особенностью семиотико-ценностного подхода к тексту является чёткое выделение связей, существующих между текстом и человеком, что выражается в констатации того, что человек всегда производит текст, и, следовательно, его изучение вне текста невозможно в рамках собственно гуманитарной мысли [1, с. 304].

Ю.М. Лотманом были выделены две основные функции текста, выполняющиеся в системе культуры – это передача знаний и порождение новых смыслов [5, с. 61]. Подобные же функции, но уже непосредственно культуры выделяются и В.С. Степиным, обозначаемые им как традиция, социальная память и творчество [9, с. 43]. Вместе с тем и в концепции культуры В.С. Степина основную содержательную сторону культуры также несёт на себе текст, принимающий вид социального кода (социокода), функционирующего в обществе в рамках надбиологических программ по аналогии с биологическими программами ДНК и РНК [9, с. 41]. Видение в тексте не только преимущественно передающих составляющих, но и творческих значительно усложняет понимание роли и статуса текста в научном познании. Это «усложнение»

определяется главным образом необходимостью обращения к субъекту, как к абстрактной категории, выражающей всё многообразие человеческой личности, главным образом в её творческой целенаправленной деятельности. Передача знаний может быть представлена, пусть и «схематично», без её соотнесённости с субъектом или по крайней мере без её соотнесённости с активной, творческой деятельностью субъекта. Так передача информации в современном мире может осуществляться посредством использования в качестве «передающих» различных технических устройств, которые могут работать как система, лишь однажды созданная субъектом, который в дальнейшем выполняет роль только наблюдателя. В случае с порождением новых смыслов, субъект неминуемо оказывается в фокусе внимания, с одной стороны как основной элемент системы, способной порождать новые смыслы, и с другой как основной объект, к которому эти смыслы обращены. Статус субъекта, участвующего в процессе порождения смысла, а также качества, позволяющие личности обрести субъектность, предполагается возможным выделить исходя из обозначения «общих» коррелирующих точек, возникающих в семиотическом и философско-герменевтическом направлениях, в их отнесённости к субъекту познания.

Рассмотрение взаимодействия автора, текста и интерпретатора в философской герменевтике представляется возможным соотнести с семиотическими отправителем, сообщением и адресатом. В первом случае основное внимание уделяется общекультурному характеру осуществления герменев-

тического треугольника, во втором случае изучению структурных компонентов осуществления передачи информации. Другими словами в философской герменевтике автор обретает известную абстрактность как автор «вообще», однако эта абстрактность подразумевает нахождение в поле культуры, как неотъемлемого элемента абстрактного автора, в случае же с отправителем подобной привязки к культурному полю может и не быть, так как оно не является неотъемлемым элементом отправителя, тем не менее функционируя в культурном поле, отправитель «вообще» является чистой логической конструкцией. Подобные выводы возможно применить и к соотношениям текст-сообщение, интерпретатор-адресат.

Вместе с тем изучение процесса смыслообразования, так или иначе приводит к необходимости рассмотрения в этом процессе места субъекта познания, так как текст не способен формировать смыслы самостоятельно. В рамках философской герменевтики субъект познания, выступающий в ипостаси интерпретатора занимает одно из центральных мест, обретая в процессе интерпретации истинную бытийность, определяющуюся вхождением в герменевтический круг. В семиотике центральное место занимает текст и идея его реализации, фактически бытийность обретает текст, а не его интерпретатор. Вместе с тем текст, не способный реализовать себя в изоляции от интерпретатора, приводит к формированию идеи «открытого текста», рассматриваемого уже в тесной связи с его интерпретатором, когда последний выступает в качестве составного элемента в процессе актуализации

текста [11, с. 13]. В теории «открытого текста» интерпретатор-адресат перемещается с периферии семиотического знания в её центр, так важные значения начинают иметь определенные качества субъекта, вступающего в контакт с текстом. Если в герменевтической философии от интерпретатора требуется «погружённость» в историческую традицию и обладание совокупностью предрассудков, как необходимое условие вхождения в герменевтический круг, то в семиотике от субъекта или адресата-читателя требуется интертекстуальная компетенция, позволяющая осуществляться тексту, как тексту открытому, таким образом, личные качества субъекта в семиотике начинают обретать решающее значение [11, с. 13]. Целенаправленная, осознанная деятельность субъекта в отношении открытого текста реализуется посредством интерпретационного выбора [11, с. 13], который можно интерпретировать как волю субъекта, выражающуюся через его текстовое сотворчество и опосредованную его интертекстовой компетентностью. Воля субъекта в данном случае не равнозначна произволу, «рамки» интерпретирования субъектом задаются интертекстовой компетентностью, что выражается в частности в соотношении «закрытого» и «открытого» текстов, так ««закрытые» тексты, хотя и нацелены на «послушное» сотрудничество адресата, на самом деле весьма открыты для случайностей прагматики» [11, с. 17]. В то время, как «открытые» тексты, требующие интерпретационного выбора от субъекта, порождают смысл не хаотично, так как «открытый текст подразумевает “закрытого” М-читателя, как составную часть сво-

ей структурной стратегии» [11, с. 21]. Таким образом, текст, для того чтобы реализоваться, требует к себе субъекта, наделённого определёнными личными качествами, в случае отсутствия которых, текст не реализуется или «в лучшем случае он станет другим текстом» [11, с. 22], равно как и не произойдёт вхождения субъекта в пределы герменевтического круга.

Таким образом, субъект является важнейшим элементом системы порождающей смыслы. Деятельность субъекта в процессе порождения смыслов имеет нелинейный характер, выражающийся в наличии обширной вариативности возможных интерпретаций. Качества, присущие субъекту являются определяющими для процесса порождения смыслов. Фундаментальной основой качеств субъекта, необходимых для формирования смыслов текста, является воля, в частности зафиксированная в рамках семиотического подхода к проблеме текста, как возможность интерпретационного выбора.

Резюмируя выше сказанное, можно говорить о том, что в рамках семиотического, общекультурного и философско-герменевтического подходов к проблеме текста, были выработаны основные представления о статусе текста, его границах и функциях. Понятие текста в широком смысле как «связного знакового комплекса» [1, с. 299] или как знаковой системы включает в себя более узкое понимание текста, фигурирующее как основной объект изучения гуманитарных дисциплин. Обозначенная взаимосвязь текста и культурной среды, социального контекста, интерпретатора, проявляет себя в том числе и в рамках проблемы понимания

статуса научного текста, в частности в рамках социально-гуманитарного научного познания.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бахтин М.М. Автор и герой к философским основам гуманитарных наук. СПб.: Азбука, 2000. 336 с.
2. Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991. 367 с.
3. Ильин А.Н. Субъект в пространстве философии постмодернизма // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение»: [сайт]. [2010]. URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2010/1/Ilyin_Subject/ (дата обращения: 11.10.2014.)
4. Кутырев В. А. Крик о небытии // Вопросы философии. 2007. № 2. С. 66-79.
5. Лотман Ю.М. Статьи по семиотике культуры и искусства. СПб.: Академический проект, 2002. 544 с.
6. Малахов В.С. Герменевтика и традиция. Традиция, в которой мы не живем [Электронный ресурс]. URL: http://www.ruthenia.ru/logos/number/1999_01/1999_1_01.htm (дата обращения: 11.10.2014.)
7. Немцев М.Ю. О понятии «текст» в философской герменевтике (Г.-Г. Гадамер и П. Рикер) // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 309. С. 36–38.
8. Немцев М.Ю. Содержание и значение «философского текста» в философской герменевтике XX века: автореф. дис. ... канд. философ. наук. Новосибирск, 2008. 36 с.
9. Степин В.С. Цивилизация и культура. СПб.:СПБГУП, 2011. 408 с.
10. Фаритов В.Т. Онтологический статус феномена дискурса // Эпистемология и философия науки. 2014. Т. 39. № 1. С. 124–136.
11. Эко У. Роль читателя. СПб.: Симпозиум, 2007. 502 с.

УДК 167.7

Соколов М.М.*Вологодский государственный университет*

МОДЕЛЬ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЛИДАРНОСТИ ФИЛОСОФИИ ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ НАУКИ

Аннотация. В статье излагается теоретическая модель политической солидарности единства и многообразия мира в контексте философии постнеклассической науки. В основе исследования лежит анализ социально-политических моделей М. Фуко и Ю. Хабермаса, в которых показывается роль государства, политических и экономических объединений, гражданского общества в построении диалогической системы толерантного взаимодействия различных субъектов всемирного общества в условиях глобализации. В статье показано, что модель политической солидарности является основой диалога, отказа от конфронтационных способов разрешения локальных и глобальных противоречий.

Ключевые слова: философия науки, постнеклассическая наука, единство и многообразие мира, политическая солидарность, политика взаимной полезности, супранациональные объединения, дискурсивная диалогичность, постнациональное сознание.

M. Sokolov*Vologda State University*

THE MODEL OF POLITICAL SOLIDARITY IN PHILOSOPHY OF POST-NON-CLASSICAL SCIENCE

Abstract. The article states the model of political solidarity of unity and diversity of the world in the context of philosophy of post-non-classical science. The basic aspect of the research is the analysis of M. Foucault and J. Habermas social and political models disclosing the role of the government, political and economic unifications and civil society in building a dialogical system of tolerant communications of various subjects of the world society under conditions of globalization. The article argues that the model of political solidarity is the basis of a dialogue and rejection of confrontational methods of solving local and global contradictions.

Key words: philosophy of science, post-non-classical science, the unity and diversity of the world, political solidarity, reciprocity policy, supranational unifications, discursive dialogism, post-national consciousness.

Философия науки исследует закономерности развития научного познания на разных этапах его исторического развития. Актуальность и значимость проблем философии науки заключается в том, что она раскрывает методы, способы и приёмы, с помощью которых осуществляется конструктивное «построение концепций и моделей научного знания как совокупности инноваций, стягивающихся в научные исследовательские программы» [4, с. 21].

Постнеклассическая наука как современное междисциплинарное направление взаимодействия различных форм и типов знания изучает сложные, саморазвивающиеся и саморегулируемые системы, вовлекающие широкий спектр экономических, политических и социокультурных субъектов. В рамках научного знания постнеклассического типа глобальные и локальные процессы анализируются с позиции совокупности аттракторов, которые создают условия для коммуникативного диалога стран, народов и культур в условиях глобализации, а также в качестве программ-целей «ведут систему к некоторому новому состоянию и изменяют возможности (вероятности) возникновения других её состояний» [3, с. 22].

Системообразующим элементом современных процессов глобализации является становление всемирного общества, отрицающего однополярный ход развития международных отношений, недопустимость экономического и политического давления стран вестернизационного региона на остальные народы и культуры. В условиях стремления к достижению состояния межнациональной диалогичности, страны и народы ставят во главу угла идею *«организации общего пространства совместной жизни народов и государств на основе разных политических и цивилизационно-культурных моделей развития»* [1, с. 156].

Такой подход к анализу проблем единства и многообразия мира подчёркивает стремление различных стран, народов и культур к дипломатическому общению, отказу от политических и рыночных барьеров в процессе выработки моделей многосторонних

взаимоотношений. В этой связи актуальной становится проблема моделирования политической солидарности, выступающей в качестве способа установления толерантных, рациональных взаимоотношений рынка, государства, гражданского общества, экономических, политических организаций и объединений.

Политическая солидарность на современном этапе развития социально-политических и экономических отношений выступает в качестве многогранного явления, соединяющего в себе идеи свободы, равенства и справедливости как фундаментальных начал единства и многообразия мира. Постнеклассическое понимание политической солидарности основывается на анализе данной проблемы в контексте соотношения глобального и локального, супранационального и национального.

Внутринациональная система политической солидарности отражает взаимное стремление национальных институтов к созданию диалогического пространства, взаимосвязи рыночных, государственных и общественных объединений различных профилей. В локальных национальных границах политическая солидарность воспринимается как общее благо, так как её основной целью является «ответ на самые конкретные и разнообразные интересы, потребности общества» [2, с. 29].

Солидарные начала политики взаимной полезности обуславливают, с одной стороны, единство взглядов на предмет развития суверенной государственности, устойчивое положение локальной единицы на международной арене, а, с другой стороны, широкий

спектр демократических начал, делегируемых государством обществу, создаёт предпосылки для политической активности широких слоёв населения, увеличения покупательной способности за счёт роста национальной экономики и стабилизации международных рыночных отношений.

Международные аспекты понимания политической солидарности напрямую связаны со становлением и развитием всемирного общества, основу которого составляет многообразие структур, форм и возможностей достижения межкультурного диалога, отказа от этноцентристских форм взаимодействия между государствами и народами. Вовлечение различных государств, народов, гражданских объединений в состояние политической солидарности происходит на уровне создания супранациональных объединений, политических и общественных организаций, основной целью которых является согласование глобальных и региональных интересов.

Проблема дискурсного подхода к пониманию политической солидарности была представлена М. Фуко, который подчёркивал, что любая административная власть должна выстраивать свои политические стратегии многовекторно, акцентируя внимание на коммуникативных аспектах взаимодействия экономических, социальных и политических структур. Анализируя многофакторные аспекты участия власти в различных сферах развития государства и общества, Фуко утверждал, что властно-управленческая система, выступая в качестве основы политической солидарности, представляет собой «множественность отношений силы, которые имманентны области,

где они осуществляются, и которые конститутивны для её организации» [5, с. 192].

В построении системы политической солидарности, как коммуникативного и многоотраслевого взаимодействия общества, государства и рынка, Фуко указывал на отрицательный характер бинарных моделей организации национальной политики. Он полагал, что отсутствие во властной системе конкуренции между политическими группами является препятствием на пути формирования социального государства, в котором общественные и социальные институты будут находиться в единой горизонтальной плоскости. В данном случае административно-властные органы и общественные организации имеют равное положение, дающее им возможность посредством воздействия друг на друга оказывать влияние на экономическую и социальную политику, проводимую государством.

Таким образом, концепция Фуко анализировала проблему политической солидарности в дискурсном контексте, рассматривая государственные и общественные органы как взаимосвязанные элементы, деятельность которых должна быть направлена на достижение внутрисуверенной стабильности. Согласно его точке зрения, способность власти удовлетворять наиболее важные общественные потребности должна основываться на рациональной законотворческой системе, закрепляющей постулаты справедливости, равенства, политической прозрачности, дискурсивности.

В условиях становления нового европейского общества, ориентированного на диалогические межнациональные

отношения, концепция политической солидарности выходит на первый план, она создаёт систему равноправного положения стран, народов и культур как идентичностей, обладающих возможностью доступа к достижениям финансовых, культурных и политических институтов, сформированных на современном этапе. Таким образом, понятая идея политической солидарности разрабатывается Ю. Хабермасом в контексте проблемы формирования постнационального сознания.

Концепция постнационального сознания Хабермаса предполагает вовлечение в анализ основных направлений национального развития универсальных ценностей, закрепляющих свободное транснациональное политическое сотрудничество, а также безбарьерный обмен исторически сформированными культурными ценностями. На современном этапе эволюции европейского сообщества универсальные конституционные принципы должны иметь «преимущество перед партикулярным, ограниченным контекстом национальной истории [конкретного] государства» [7, с. 72–73]. Это, по утверждению Хабермаса, должно лежать в основе гармоничного развития различных стран, народов и культур не только в горизонтальном, но и супранациональном контексте многоотраслевого развития. В рамках предлагаемой модели определяются основные направления преодоления экономической и политической нестабильности в странах Европейского Союза, во главу угла ставится «идея превращения национальной демократии в её наднациональную форму» [8, с. 10].

Супранациональная составляющая модели политической солидарности

раскрывает особенность развития объединённых в наднациональные союзы государств с позиции взаимосвязи глобализационных и национальных тенденций экономического, политического и социокультурного развития. Указывая на положительные аспекты супранационального участия в межгосударственных и внутринациональных отношениях, Хабермас отмечает, что надтерриториальные административные объединения «служат необходимым условием для того, чтобы политические силы развивались вровень с силами глобализированной экономики» [6, с. 228].

Концепция супранационального государства раскрывается Хабермасом с позиции построения горизонтальной экономико-политической системы, исключающей любые формы неравенства и дисбаланса между различными членами Союза. Возникающие конфликты и противоречия, по его утверждению, должны разрешаться путём вовлечения в межнациональные отношения политического контроля со стороны международных организаций, которые приостанавливают и уменьшают «перепады в социально-экономическом развитии между старыми и новыми государствами-членами» [7, с. 65]. При этом политика социально-экономической рациональности позволяет государствам проявлять себя в качестве полноценного участника единого европейского экономического пространства как посредством проявления самостоятельных рыночных инициатив, так и участия в составе европейских межнациональных финансовых институтов.

Супранациональная идея кооперирования европейских государств

анализировалась Хабермасом с позиции необходимости выработки единой внешнеинтеграционной системы, направленной на установление рациональных коммуникативных дискурсов с наиболее приоритетными экономическими и политическими партнёрами. В частности, Хабермас говорит о необходимости установления правильной модели равного коммуникативного участия стран Европейского Союза с политическими, финансовыми и культурными институтами США. С одной стороны, проблема установления таких международных взаимосвязей требует изменения ментальных установок европейского общества, с другой – отказа от однополярной модели международного социокультурного развития.

Страны европейского сообщества должны выработать единую доктринальную концепцию, в рамках которой они будут «стремиться оказывать влияние на экономическую глобализацию через институты мирового экономического строя» [7, с. 69]. Акцентируя внимание на супранациональной организации стран Европейского Союза, Хабермас рассматривает перспективы наднационального социально-политического и экономического сотрудничества как положительные, ссылаясь на способность данной межгосударственной структуры противостоять негативным глобализационным процессам.

Таким образом, модель политической солидарности единства и много-

образия мира на современном этапе её становления и развития раскрывает стремление стран, народов и культур к разрешению межнациональных и внутритерриториальных проблем методами толерантного и дипломатического сотрудничества, дискурсивного подхода, формирования постнационального сознания и супранационального государства для создания единого европейского экономического пространства в условиях глобализации.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Гранин Ю.Д. Глобализация, нации и национализм. История и современность. – М.: Медиаиндустрия, 2013. 282 с.
2. Мотрошилова Н.В. Юрген Хабермас о кризисе Европейского Союза и понятии солидарности (2011–2013 гг.) // Вопросы философии. 2013. № 10. С. 22–38.
3. Стёпин В.С. Научная рациональность в техногенной культуре: типы и историческая эволюция // Вопросы философии. 2012. № 5. С. 18–25.
4. Философия науки: проблемы и перспективы (материалы «круглого стола») / Лекторский В.А. и др. // Вопросы философии. 2006. № 10. С. 3–44.
5. Фуко М. Воля к истине. По ту сторону знания, власти и сексуальности. М.: Кастань, 1996. 446 с.
6. Хабермас Ю. Политические работы. М.: Праксис, 2005. 368 с.
7. Хабермас Ю. Расколотый запад. М.: Весь мир, 2008. 192 с.
8. Чумаков А.Н., Королёв А.Д. Философия как познание и образ жизни // Вопросы философии. 2014. № 5. С. 3–14.

РАЗДЕЛ II. СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

УДК 124.5

Бакурадзе А.Б.

*Московский государственный университет технологий и управления имени
К.Г. Разумовского (Первый казачий университет)*

ЦЕННОСТИ-ЦЕЛИ И ЦЕННОСТИ-СРЕДСТВА УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. В статье дается характеристика ценностей-целей и ценностей-средств управленческой деятельности. Ценности-цели представляют собой смыслообразующие ценности управления, к которым относятся человек и общество, государство, социальные организации, а также эффективный и результативный труд. В статье анализируется влияние на характер управления активности / пассивности, свободы / зависимости и доверия как ценностей-средств управленческой деятельности, рассматривается структура ценностей-ресурсов управления.

Ключевые слова: социальная организация, управленческая деятельность, ценность-цель, ценность-средство, высшие ценности, процессуальные ценности, ценности-ресурсы.

A. Bakuradze

*Moscow State University of Technologies and Management
Named after K.G. Razumovsky (the First Cossack University)*

GOAL VALUES AND FUND VALUES IN MANAGEMENT

Abstract. The article characterizes goal values and fund values in management. goal values are meaning making values of management which include people, society, state, social institutions and efficient labor. The article also analyzes the impact of such fund values as activity/passivity, freedom/dependence and trust on the nature of management, the structure of resource values of management being considered.

Key words: social organization, management, goal values, fund values, supreme values, procedural values, resource values.

Классифицируя блага, Аристотель в «Большой этике» выводит их четырёхъярусную иерархию. На первом ярусе иерархии располагаются блага-средства, создающие другие блага. На втором размещаются блага-возможности. На третьем

© Бакурадзе А.Б., 2015.

ярус находятся блага хвалимые – добродетели, представляющие ценность в той мере, в какой они необходимы людям. Четвёртый же, высший ярус занимают блага ценимые, которые определяют смысл существования объектов или явлений. Таким образом, классификация Аристотеля разделяет желательное само по себе и желательное производное, необходимое для чего-то или кого-то другого [1].

Применяя этот подход к анализу ценностей управления, можно выделить смыслообразующие ценности управленческой деятельности, которые представляют собой её ценности-цели. При этом образование смыслов имеет место на двух уровнях. Первый уровень смыслов – это высший уровень, определяющий базовые ценности-смыслы функционирования и развития социальной организации. К ним относится *человек* в различных его проявлениях (руководитель и специалист, владелец организации и наёмный работник, педагог и обучающийся, командир и подчинённый и пр.), *общество*, включая составляющие его социальные и профессиональные группы, государство и его институты, и, наконец, собственно *социальная организация*. Без ориентации на них невозможно построить и обеспечить развитие социальной организации, ориентированной на длительное существование.

Следует отметить, что на различных этапах развития всего общества и социальной организации в различных социально-политических, экономических и культурных условиях соотношение между этими базовыми ценностями-смыслами различно. Так, очевидно, в период войн на первый

план выходят ценности государства и общества, которые становятся смыслом существования как военных, так и гражданских социальных организаций. В условиях же последующего перехода к мирной жизни возрастает влияние ценности человека на управленческую деятельность.

Проблема ценности человека поднималась мыслителями различных эпох. Полемизируя с Т. Гоббсом, рассматривавшим человека в качестве одного из средств осуществления целей государства [3, с. 175], и религиозными концепциями нравственности, которые мотивировали его на избегание наказания, Э. Шефтсбери отмечал, что ценность личности является ведущей в иерархии ценностей [7, с. 134]. Вместе с тем представление о человеке как средстве достижения неких высших целей общества, представление о работнике как орудии получения выгоды для руководителя или социальной организации по сей день прочно укоренены в практике управленческой деятельности. Взгляды на управление, при которых ценность человека не является ведущей, исследуются Д. МакГрегором в «теории X» [11]. Данная теория базируется на представлении о работнике как рационально организованной личности, ведущими потребностями которой являются материальные потребности и потребности в обеспечении социальной безопасности. Однако растущий уровень жизни, созданный достижениями научно-технического прогресса, современными способами организации трудовой деятельности, позволяет работнику в значительной степени удовлетворить указанные выше потребности. Тем самым управление, базирующееся на принци-

пе «кнута и пряника», перестаёт быть результативным, поскольку ограничено имеющимся арсеналом стимулов, которые представляют собой либо материальные вознаграждения, либо средства принуждения.

Одной из ведущих целей современного управления является обеспечение таких условий, чтобы работники, направляя свои усилия на достижение целей социальной организации, одновременно с этим достигали и своих личных целей. Во многом это зависит от признания руководителем ценности человека как ведущей ценности своей деятельности, что побуждает работников поступать соответствующим образом и по отношению к своей организации, и по отношению к руководителю. Такое признание долговременно активизирует работников посредством применения ряда инструментов, к числу которых относятся децентрализация управления, предполагающая делегирование управленческих полномочий рядовым сотрудникам и расширение зон ответственности младшего и среднего управленческого персонала социальной организации, расширение фронта работ, позволяющее объединить несколько работ в одну, обеспечивая целостность достижения цели. Всё это даёт возможность удовлетворить социальные и индивидуальные потребности работников.

Руководители, признающие ценность человека и полноты его бытия, ориентированы на повышение уровня удовлетворённости работой своих сотрудников. По мнению В.А. Ядова, состояние удовлетворённости можно рассматривать как самый простой итоговый показатель личного отношения работника к труду и важнейший эле-

мент общего морально-психологического состояния человека [8, с. 24]. Однако связь между удовлетворённостью сотрудников работой и результативностью их деятельности неоднозначна. Некоторые работники удовлетворены работой, но являются плохими исполнителями или недостаточно инициативны, при том, что имеются работники, которые не удовлетворены работой, но отлично трудятся. Данный факт ставит руководителей, ориентированных на ценность человека, перед дилеммой – обеспечивать удовлетворённость подчинённых, при этом, возможно, жертвуя результативностью деятельности своей организации, или, признав основной целью достижение высоких результатов работы организации, отказаться от заботы об удовлетворённости сотрудников работой. Таким образом, ценность человека начинает конкурировать с ценностью результативности деятельности социальной организации.

Наряду с человеком и полнотой его бытия ценность для управления представляет общество в целом и отдельные социальные общности. Их ценность определяется социальной сущностью человека и вытекающей из этого диалектики общества и личности. В связи с этим П.И. Новгородцев подчёркивал: «Являясь лицом и притязая на безусловное нравственное значение, я должен и в других лицах признать такую же безусловную ценность. Я не могу видеть в обществе, т. е. в других лицах только средства для моих целей, я должен признавать за ними значение таких же нравственных целей, какое они, т. е. общество, должны признавать за мною. Тут создаётся не отношение средства к целям, а более

сложное отношение взаимодействия целей» [5, с. 198]. Таким образом, являясь фундаментальной ценностью, общество, в идеале, не конкурирует с фундаментальностью ценности личности. Общество и личность взаимодополняют друг друга, друг без друга не существуя. То же самое относится к ним и как высшим ценностям управленческой деятельности.

Сущностью взаимоотношений между личностью и обществом является признание их равенства как взаимодействующих реальностей. Можно утверждать, что общество для личности не только средство, но и цель, а личность для общества не только цель, но и средство. Это означает двойственность природы общественной реальности. В её состав входит не просто личность, общество и их отношения. Они представляют собой единство первого и второго, причём от процесса управления социальной организацией во многом зависит то, является ли это единство гуманным или насильственным, справедливым или несправедливым.

Отсюда следует, что роль руководителя, признающего в качестве высших ценностей человека и общество – это служение человеку и обществу. Служение, по мысли Э. Шефтсбери, предполагает бескорыстность добродетельных поступков, которые и должны осуществлять руководители социальных организаций, ориентированные на высшие цели управления. По мнению И. Бентама, цель руководителей – счастье человечества, осуществляемое разумом и законом. Принцип пользы обеспечивает одобрение или неодобрение любого действия в соответствии с его тенденцией к увели-

чению или уменьшению счастья того или иного индивида или общества в целом. Под самой *пользой*, по мысли И. Бентама, следует понимать то свойство объекта, посредством которого он способен производить прибыль, преимущество, удовольствие, благо или счастье либо препятствовать вреду, страданию, злу или несчастью того субъекта, чьи интересы являются предметом рассмотрения – будь то индивид или общество в целом [2].

Однако возрастание значения управленческой деятельности становится фактором, способствующим ограничению демократического контроля над процессами, протекающими в различных социальных организациях, что приводит к увеличению социальных и экологических рисков для работников, потребителей и общества в целом. Как только руководители превращаются в особую социальную группу, постепенно исчезает возможность согласования интересов различных категорий участников производственных отношений. Особенно быстро это происходит в случаях, когда группа руководителей характеризуется информационной и ротационной закрытостью, что делает её неподотчётной управляемым, а в перспективе – и всему обществу.

В теории управления указанные выше обстоятельства породили теоретический подход, в соответствии с которым управленческая деятельность оценивается с точки зрения её ответственности перед обществом, т. е. приемлемости для развития процессов демократии, сохранения экологии и соблюдения других всеобщих интересов, включая интересы безопасности и обороны. Данный подход получил

название «критической теории менеджмента» [9, с. 433]. Цель данного подхода, признающего базовой ценностью ценность общества не столько поиск ответов на вопросы о путях достижения результатов социальных организаций, сколько построение «социально ориентированного» менеджмента, опирающегося на имеющиеся в распоряжении руководителей ресурсы и технологии. При этом теоретики «критической теории менеджмента» определяют цель менеджмента как приумножение материальных благ или благосостояния приемлемым для общества путём.

Для обеспечения такой приемлемости необходимо, прежде всего, признание менеджментом ценности общества, которое обеспечивается открытостью руководителей социальных организаций. Она может быть достигнута при условии развитого гражданского общества.

Следующий уровень смыслообразования определяет смыслы собственно управления. Оно представляет собой вторичную по отношению к производственным процессам деятельность. В процессе управления не создаётся общественного блага. Управленческая деятельность обеспечивает условия для эффективного и результативного труда работников. Тем самым труд становится ценностью управления, что делает осмысленными процессы достижения его эффективности и результативности.

Под *эффективностью* понимается показатель соотношения между тем, как социальная организация выполняет свои задачи и удовлетворяет ожидания представителей заинтересованных в её деятельности социальных групп, и

затратами на выполнение данных задач и удовлетворение ожиданий, что определяет ценность эффективного труда.

Различают три вида эффективности: индивидуальную, групповую и организационную. *Индивидуальная эффективность* отражает уровень выполнения задач конкретными работниками. Поскольку члены организаций обычно работают в группах, это порождает необходимость в определении *групповой эффективности*. Третий вид эффективности – *организационная*, которая включает в себя и индивидуальную, и групповую эффективность. Однако *организационная эффективность* превышает сумму индивидуальной и групповой эффективности. За счёт синергетических эффектов организации способны достигать более высоких показателей, чем сумма составляющих их работников и рабочих групп.

Индивидуальные отличия работников обуславливают различия в эффективности их деятельности, а значит, и различия в ценности каждого конкретного работника для социальной организации. Тем самым фиксируется противоречие между самооценностью каждого человека, на которой базируется гуманистическая философия, и ценностью человека как работника, определяемая его индивидуальной эффективностью.

Оценка эффективности групповой работы и общеорганизационной эффективности затруднена целым рядом противоречий, носящих аксиологический характер. К их числу относятся противоречия между эффективностью деятельности группы и ценностью выполняемых ею функций для

организации, между эффективностью деятельности различных групп, составляющих организацию, между эффективностью организации и её ценностью для общества и др. Разрешить указанные выше противоречия возможно как радикальными, так и эволюционными методами.

Однако труд является ценным, когда он результативен и обеспечивает необходимое количество и качество благ (товаров, услуг и пр.), производимых социальной организацией. На основе признания ценности результативности строится система управления по результатам. Результативный труд работающих в социальной организации приводит к получению теми или иными субъектами определённой выгоды, которая понимается как получение преимуществ, благ, прибыли и другой пользы для указанных выше субъектов и представляет собой производную ценность от ценности труда. Но ориентация на извлечение выгоды порождает группу противоречий между заинтересованными в деятельности организации субъектами, пользующимися результатами труда. Прежде всего, к ним относится противоречие между личной выгодой и общественной пользой, которое является следствием противоречия между ценностью человека и ценностью общества и регулируется нормами морали и права, а также противоречие между ориентациями социальных организаций на получение краткосрочных и долгосрочных выгод, регулируемое на уровне стратегий их развития.

Средствами достижения смыслообразующих ценностей-целей выступают ценности-средства, представляющие собой совокупность

процессуальных ценностей, в качестве которых выступают все значимые для руководителей и работников социальной организации характеристики процесса труда, а также совокупность ценностей-ресурсов, необходимых для развития и функционирования социальной организации, деятельности её рабочих групп, руководителей и работников.

Синтетическая природа управления, его опосредованная связь с результативностью и эффективностью производственных процессов усложняет определение структуры процессуальных ценностей. Однако в основе процесса управления лежит взаимовлияние участников производственных отношений, которое может быть построено на базе признания свободы или может предполагать их зависимость от субъектов власти.

Свобода представляет собой способность субъекта самостоятельно определять цели и способы распространения своего влияния на социальную организацию, нести ответственность за результаты своего участия в управленческой деятельности. Ориентированные на ценность свободы руководители и организации стремятся как можно меньше использовать принуждение, признают в качестве положительных ценностей саморазвитие и разнообразие, допускают достаточно высокую степень автономии работников и рабочих групп, горизонтальное распределение власти, активное применение механизмов координации, что открывает перед ними широкие возможности по мотивации персонала. Свобода всегда ставит субъекта перед неопределённостью, что определяет необходимость выбора и приня-

тия на себя ответственности за такой выбор.

В противовес ориентации на свободу, ориентация на зависимость не предполагает автономного функционирования рабочих групп, но предусматривает развитую вертикальную систему власти с необходимыми для её функционирования ресурсами и субординационным принципом построения, стремление к развитию сплочённости внутри трудового коллектива и лояльности работающих в нём. Это сужает пространство выбора как работников, так и руководителей.

Активность как способ жизнедеятельности социальной организации представляет ценность управления, поскольку позволяет реализовать её миссию, цели и задачи. Это происходит благодаря сохранению существующих и развитию новых процессов, явлений, условий и связей во внутренней и внешней среде организации. Активность интегрирует в себе ряд ценностей, к числу которых относятся творчество, понимание будущего, гибкость, адаптивность, совместный характер деятельности. Значимость активности как ценности предусматривает поддержание возможности субъекта действовать инициативно в направлении значимых для социальной организации целей. В противовес этому признание в качестве ценностей стабильности как ориентации на сохранение настоящего, игнорирование инициатив по совершенствованию деятельности свидетельствуют о пассивности как значимой ценности управления.

Являясь базовой процессуальной ценностью, доверие составляет основу социального «капитала» организации, обеспечивает консенсус между субъек-

тами ценностей управленческой деятельности, служит условием возникновения и развития разнообразных социальных контактов. Как отмечает Ф. Фукуяма, доверие – это «возникающее у членов сообщества ожидание того, что другие его члены будут вести себя более или менее предсказуемо, честно и с вниманием к нуждам окружающих, в согласии с некоторыми общими нормами» [6, с. 52]. Источниками доверия выступают социальные добродетели: ответственность, чувство долга перед организацией, её работниками и руководителями, социальной группой и обществом в целом, честность, бескорыстие, способность к сотрудничеству и др., а также добродетели предпринимательства. К последним относятся способность к упорному труду, рационализм, новаторство, умеренная готовность идти на риск, бережливость.

Социально-философский анализ проблемы доверия показывает, что его нужно рассматривать как процесс группового восприятия справедливости, честности, ответственности, правильности происходящего в социальной организации и других социальных добродетелей, являющихся базовыми характеристиками доверия. Однако, каждый субъект ценностей управленческой деятельности имеет своё представление о характеристиках доверия и наполняет её смыслами, ориентируясь на специфическое восприятие действительности.

Б.З. Мильнер выявил, что отношения доверия в системах управления складываются и развиваются по следующим направлениям:

– доверие государственных органов власти социальным организациям;

- доверие социальных организаций государственным регулирующим органам;

- доверие социальных организаций друг к другу;

- доверие работников к руководителям и руководителей к работникам;

- доверие работников друг к другу;

- доверие руководителей друг к другу;

- доверие между структурными подразделениями социальной организации [4].

Высокий уровень доверия способствует успешной коллективной работе, позволяет устранить противоречия, препятствующие согласованию действий работников, направленных на достижение совместных целей и задач. Высокий уровень доверия необходимо достичь и членам управленческой команды социальной организации, поскольку он способствует выработке и достижению эффективных решений по управлению без формальной регламентации деятельности. Напротив, низкий уровень доверия в социальной организации побуждает к установлению системы формальных правил, которая предполагает постоянное согласование действий между работающими и осуществление контрольных функций управления, что увеличивает производственные издержки.

Ценность ресурсов рассматривается в аксиологии, прежде всего, с точки зрения их полезности. Ещё Сократ отмечал, что поскольку ценность есть нечто хорошее, то полезные предметы выступают в качестве ценности, а вредные – не считаются таковой [1, с. 67]. Вместе с тем он подчёркивал, что важно уметь пользоваться ресурсами, актуальность чего возрастает в

условиях их недостаточности в период кризисов и войн.

По мнению Д. Барни, к ресурсам относятся все активы, возможности и организационные процессы, контролируемые организацией, которые позволяют ей реализовывать эффективные стратегии своего развития и функционирования. Он разделил ресурсы на:

- материальные, к которым относятся технологии, оборудование, капитальные постройки, сырьё, финансы;

- человеческие, включающие в себя подготовленных руководителей и работников организации, которые взаимодействуют между собой;

- организационные, представляющие собой формальные группы организации, а также неформальные отношения между работниками и рабочими группами [10, с. 103].

Благодаря материальным и финансовым ресурсам социальной организации возникают двусторонние взаимосвязи: под влиянием своих ценностей организации, их руководители, рабочие группы и работники создают ценные объекты, а эти объекты, в свою очередь, создают и формируют коллективные и личностные ценности. Однако важно, чтобы материальные ресурсы признавались субъектами ценностей управления как исключительно ценности-средства. Их абсолютизация в условиях экономического либерализма и конкуренции приводит к таким последствиям, как двойная мораль, психические фрустрации, оскудение духовной жизни человека, нередко ведущее его к нравственному краху.

Сущность управления человеческими ресурсами заключается в том, что

работники рассматриваются как главный ресурс в развитии социальной организации. Человек в эффективной системе управления рассматривается и как высшая ценность, и как ресурс развития социальной организации. Первое требует от руководителя ориентации на создание в организации условий для удовлетворения разнообразных потребностей работника, а второе – создания среды, способствующей наиболее полному проявлению работниками своего потенциала и потенциала рабочих команд в целях достижения значимых для организации целей. При этом сам руководитель также рассматривается как ценный ресурс развития социальной организации, а обучение работников превращается в средство решения проблем организации и становится особым ресурсом управленческой деятельности. Признание ценности обучения персонала как ресурса социальной организации определяет функцию управления процессом такого обучения, в ходе которого могут осваиваться как новые технологии трудовой деятельности, так и новые стратегии развития самой организации, а умение превратить организацию в самообучающуюся становится сегодня одним из ведущих управленческих умений, характерных для эффективного руководителя.

В постиндустриальном обществе, характеризующемся высокой степенью динамизма и неопределённости, наряду с возрастанием роли человеческого ресурса растёт значимость такого ресурса, как информация, поскольку прибавочная стоимость создаётся теперь не столько трудом в привычном понимании, сколько знанием, создающим материальные ценности и услуги.

Информация как ресурс управления представляет ценность потому, что она связывает все другие ресурсы, технологии, организационную структуру и внешнюю среду организации. Необходимость своевременного получения необходимой для управления информации наряду с увеличением и усложнением управленческих функций в современном менеджменте превращают время в особо значимую для управленческой деятельности ценность.

Оперативно реагировать на неопределённость социальной организации позволяют свободные ресурсы, представляющие собой совокупность перечисленных выше ресурсов, которая может быть направлена на решение неожиданно возникших задач. Это обстоятельство определяет ценность свободных ресурсов, делая их накопление и развитие одной из целей управленческой деятельности.

Организационные ресурсы представляют собой ценность управления, поскольку предназначены для эффективного достижения результатов деятельности социальной организации. Различные типы формальных организационных структур базируются на различных процессуальных ценностях. В наибольшей степени ориентированная на ценности результативности деятельности, свободы и доверия свободная организационная структура располагает наиболее мощным ресурсным потенциалом, однако она требует высокого уровня профессиональной компетентности работников.

К ценностям-ресурсам относятся и технологии, которые оцениваются по двум критериям: инструментальному и экономическому. Выбор той или иной технологии зависит от цен-

ностных предпочтений субъектов, осуществляющих такой выбор. С учётом фактора ограниченности ресурсов часто при осуществлении выбора технологии принимается во внимание не столько желание достичь определённых результатов наиболее рациональным образом, сколько необходимость экономии ресурсов, что особенно характерно для кризисных этапов развития организации и традиционно для антикризисного управления, которое актуализирует ценность ресурсов.

Таким образом, ценности-цели управленческой деятельности определяют систему целей и методов управления социальной организацией, предназначение руководителя и критерии оценки его работы. Достижение целей общества, социальных групп, социальных организаций и человека происходит посредством труда, ценность которого определяется его эффективностью и результативностью, что делает оценку этих характеристик трудовой деятельности значимой для управления.

Ценности-средства управления включают в себя процессуальные ценности, которые объединяют дихотомии свободы / зависимости, активности / пассивности, ценность доверия и их производные, а также ценности-ресурсы управления социальной организацией, представляющие собой совокупность материальных, финансовых, человеческих, информационных, организационных и технологических ресурсов.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Аристотель. Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории [Электронный ресурс]. – М.: РГБ, 2006. (Классическая философская мысль). URL: https://www.avito.ru/moskva/knigi_i_zhurnaly/knigi (дата обращения: 08.11.2014).
2. Бентам И. Введение в основания нравственности и законодательства. М.: РОССПЭН, 1998. 415 с.
3. Гоббс Т. Избранные произведения в 2-х томах / пер. с англ. М.: Мысль, 1964. Т. 1. 583 с.
4. Мильнер Б.З. Теория организации. М.: ИНФРА-М, 2000. 480 с.
5. Новгородцев П.И. Об общественном идеале. М.: Пресса, 1991. 640 с.
6. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и пути к процветанию / пер. с англ. М.: ООО «Изд-во АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2004. 730 с.
7. Шефтсбери А.Э. Эстетические опыты. М.: Искусство, 1975. 544 с.
8. Ядов В.А. Отношение к труду: концептуальная модель и реальные тенденции // Социологические исследования. 1983. №3. С. 50–62.
9. Allvesson M., Willmott H. On the idea of emancipation in management and organization studies // Management Review. 1992. № 17. P. 432–464.
10. Barney J.B. Firm resources and sustainable competitive advantage // Journal of Management. 1991. N 17. P. 101–112.
11. Mc'Gregor D. The Human side of enterprise. New York: Mc' Graw Hill, 1960. 246 p.

УДК 821.161.1-311.4

Беляева З.К., Песоцкий В.А.*Московский государственный областной университет***ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ
«ДЕВИЧЬЕЙ ПОВЕСТИ»**

Аннотация. Жанр «девичьей повести» – уникальное явление массовой литературы. В России этот жанр развивался приблизительно с 1894 по 1917 гг. и пользовался огромной популярностью у читателей, преимущественно девочек-подростков, которым и были адресованы эти книги. «Девичьи повести» оказывали ощутимое влияние на становление личности девушки и были весьма показательны с философской точки зрения. В данной статье раскрываются идеологические особенности жанра «девичьей повести». Проводится детальный социально-философский анализ ключевых произведений данного жанра. Описана роль такого рода произведений в идеологической борьбе конца XIX – начала XX вв.

Ключевые слова: литература, идеология, пропаганда, монархизм, массовая культура.

Z. Belyaeva, V. Pesotsky*Moscow State Regional University***PRE-REVOLUTIONARY “MAIDEN TALE” AS IDEOLOGICAL PHENOMENON**

Abstract. The genre of “maiden tale” (devich'ya povest') is a unique phenomenon of popular literature. In Russia this genre developed from 1894 to 1917. It was extremely fashionable with readers, especially teenage girls – its targeted audience. “Maiden tales” had a great influence on the development of feminine personality and are rather exponential from a philosophical point of view. This article discloses the ideological features of the genre and provides a detailed socio-philosophical analysis of its key works thus revealing their role in ideological struggle of the late 19th – early 20th centuries.

Key words: literature, ideology, monarchism, advocacy, mass art

Русская детская литература довольно неоднородна, и особенно выделяется в ней беллетристический жанр «девичьей повести», прекративший существование после революции и не возродившийся в прежнем виде. В произведениях данного жанра затронуты как насущные подростковые проблемы (дружба, учёба, отношения с родственниками), так и проблемы остросоциальные (сиротство, бедность), и даже политические (патриотизм, эмансипация, военная тема, тема классового неравенства).

Данный жанр зародился в конце XIX в.; его родоначальницами в русской литературе были А.Н. Анненская и Н.А. Лухманова. Толчком для выделения «девичьей повести» в отдельный жанр стала повесть Н.А. Лухмановой «Девочки» (1894), в которой подробно рассказывалось о повседневной жизни института благородных

девиц. Повесть породила острый читательский интерес к быту и нравам женских учебных заведений и нравственному развитию девочек-подростков. Эти темы были поддержаны и развиты другими авторами «девичьих повестей» – К.В. Лукашевич, В.С. Новицкой, В.П. Желиховской, Е.Н. Кондрашовой, Е.А. Ильиной-Пожарской и, в особенности, Л.А. Чарской – самым известным (и наиболее жёстко раскритикованным советскими идеологами – см. статьи В. Шкловского «О пище богов и о Чарской», Е.Данько «О читателях Чарской», С. Маршака «О большой литературе для маленьких» и проч.) автором такого рода произведений.

Практически все «девичьи повести» не переиздавались при советской власти. Характерна причина этого – «девичьи повести» были официально признаны идеологически враждебными советскому строю и вредными для советских детей. Но читательский интерес к ним сохранялся десятилетиями. «Девичьи повести» тайно передавались из рук в руки, часто переписывались от руки. На рубеже XX-XXI вв. «девичья повесть» стала объектом интереса учёных-филологов (см., например, «Проза А. Вербицкой и Л. Чарской как явление массовой литературы» – диссертация Н.С. Агафоновой на соискание учёной степени кандидата филологических наук, Иваново, 2005 г.). Но учёными-философами данный жанр практически не изучен. Наша задача – дать «девичьей повести» характеристику с философской точки зрения, определить круг затронутых в произведениях данного жанра идеологических проблем и изучить причины и процесс борьбы советской пропаганды с такого рода произведениями.

«Девичья повесть» – это произведение, предназначенное преимущественно для девочек 9–14 лет, реже 15–18 лет. Относясь к массовой литературе, эти книги рассчитаны на обыденный уровень сознания читателя, они отличаются характерным шаблонным языком, узнаваемостью главной сюжетной линии, удержанием читательского внимания при помощи «эффектных» поворотов сюжета. Главной героиней такого произведения является девочка того же возраста, как правило – ученица гимназии или института. Часто она сирота или разлучена с близкими. По ходу действия она попадает в сложную с нравственной точки зрения ситуацию и должна с честью выйти из неё: Ло из повести Чарской «Некрасивая» становится объектом травли в институте; Надя из её же «Волшебной сказки» должна сделать выбор между кровным родством и обеспеченной жизнью; Женя Стоцкая из «Так они жили» Ильиной-Пожарской – отстаивать свои жизненные принципы перед не понимающими её родителями; Женева из «Басурманки» Новицкой – определиться, русской ей себя считать или француженкой, и т. д. Иногда, особенно у Чарской, девочки по ходу действия попадают в ситуации, более характерные для приключенческого романа: стихийное бедствие, похищение, крушение поездов и т. д. Также частым сюжетным ходом служит болезнь героини, во время которой недруги решают примириться с ней. А главное отличие «девичьей повести» от других детских книг – подробнейшее описание быта, нравов, вкусов и интересов девочек той эпохи, повышенное внимание к специфически «девичьим» мелочам повседневной жизни – это

мода, альбомы, гадания и спиритизм, специфический фольклор и жаргон и проч.

Особый интерес для исследования отечественная «девичья повесть» представляет по той причине, что является фактически *мёртвым жанром*. Одни жанры беллетристики (фантастический роман, приключенческий роман, детектив) после Октябрьской революции продолжили своё существование, лишь изменив идеологическую окраску; другие (любовный роман, эротический роман и проч.) были забыты, но возродились во время перестройки. Что же касается «девичьей повести», то в современной литературе практически невозможно найти её эквивалент. Т. н. «роман для девочек», который далёкие от детской литературы люди часто отождествляют с «девичьей повестью», на самом деле гораздо ближе к любовному роману, просто его героями являются подростки. Главная сюжетная линия «романа для девочек» – любовная. В «девичьей повести» она, за редким исключением, отсутствовала вовсе, а если и наличествовала, то была второстепенной. На первый план выходило становление личности девочки-подростка, развитие в ней качеств будущей женщины – не столько жены, матери и хозяйки, сколько хранительницы определённых ценностей: милосердия, религиозности, жертвенности.

Причины возникновения и развития данного жанра коренятся в потребности общества в определённом типе женщин. На рубеже XIX–XX вв. общество не испытывало недостатка ни в хранительницах домашнего очага, которых хватало и так, ни в эмансипированных женщинах, ко-

личество которых росло год от года. Зато испытывало дефицит женщин самоотверженных, готовых посвятить жизнь служению слабым. Развитие капитализма, растущее социальное расслоение, русско-японская и первая мировая войны, пробудившие в обществе идею патриотизма, породили потребность в сёстрах милосердия и «профессиональных» благотворительницах, отодвинув на второй план многочисленные противоречия, усугубляемые перечисленными причинами. Стремление всё большего количества людей дать своим детям образование породило также острую потребность в учительницах, гувернантках, классных дамах, что способствовало росту социальной активности значительной части населения и вовлечению её в процесс идеологического противоборства, проявляющегося во всех сферах духовной жизни общества.

Авторы «девичьих повестей» стремились воспитать в читательницах интерес к служению обществу, обострённое чувство долга, повышенную жалостливость, сентиментальность, набожность, самоотверженность, стремление опекать слабых – качества, необходимые для того, чтобы девочка, вырастая, захотела пополнить ряды гувернанток, сестёр милосердия или, при наличии средств, филантропок, тем самым осознанно или неосознанно формируя патриотические настроения у молодежи и их готовность к самопожертвованию во имя Родины, которая отождествлялась не только со страной проживания, но и с существующим в ней государственным устройством. Аналогичные социальные проблемы присутствовали и на Западе, «девичья повесть» параллельно развивалась и

там, выполняя тот же социальный заказ, правда, с большей ориентацией девочки на создание собственной семьи, – см. произведения Ф. Бернетт, Л. Олкотт, С. Кулидж и проч. Такова была основная идеологическая задача «девичьей повести» – но не единственная, как мы увидим ниже.

Маленький мирок гимназии, института, приюта или большой дворянской семьи, в котором обитает героиня «девичьей повести», казалось бы, закрыт от проблем внешнего мира. Однако авторы таких повестей, как большинство беллетристов, были склонны поддерживать официальную политику государства и хотя бы в эпизодах прививать читательницам соответствующие взгляды. Так, в 1912 г. отмечалось 100-летие победы над Наполеоном; перед этим событием вышел ряд детских книг, посвящённых данной теме, и в их числе – «девичьи повести»: «Басурманка» В. Новицкой и «Смелая жизнь» Л. Чарской. Первая описывает нравственные метания девочки-француженки Женеьевы, удочерённой русской семьёй дворян Трояновых, вторая же является беллетризованной биографией первой в России женщины-офицера Надежды Дуровой.

Войну героини повестей воспринимают по-разному: для Женеьевы это трагедия, для Нади – шанс показать свою доблесть. «Война! Вот где таится мечта её жизни, для которой она живёт, к которой стремится всей своей юной душой!.. <...> Но Наполеон – гений, покоривший полмира, и она, Надя, твёрдо знает это. Австрия, Италия, Индия, египетские пирамиды... Боже великий! Сколько сильного, славного за ним! <...> Пусть он гений, пусть победитель, но между русскими

разве нет и не будет гения, подобного Суворову? А они разве не ученики и дети бессмертного Суворова?.. О, она, Надя, так твердо верит в русскую счастливую звезду, в победу русского оружия... <...> Там, в этом будущем, её ждут битвы, победы, может быть, слава... крупная слава...» [20, с. 111] – это мысли и чувства Нади Дуровой. Несмотря на тяготы военной жизни, героиня сохраняет восторженное отношение к войне до конца книги и вдобавок считает Наполеона достойнейшим противником. Женеьева и её семья, напротив, переживают происходящее очень тяжело. «Примолк прежний, часто беспричинный, искренний смех, оглашавший темные аллеи и светлые уютные комнаты. Встревожженная, вспорхнула, притаилась в каком-то тёмном уголке радость» [11, с. 61] – так влияет война на повседневную жизнь героев, хотя собственно боевые действия проходят в стороне от их усадьбы. Отношение к Наполеону у Новицкой тоже иное: устами разных героев повести она называет его то «проходимцем» [11, с. 32], то «баловнем судьбы, ослепленным гордыней» [11, с. 60], утверждает, что «только жажда личной славы и могущества движет поступками Наполеона» [11, с. 190], и осуждает его за это. Семья Трояновых презирает его; раненый полковник-француз, которого они приютили в конце повести, умирая, жалеет, что потратил лучшие годы на службу в его армии.

Но неизменно в идеологической окраске этих двух повестей одно – патриотическое восприятие монархизма через крайнее, раболепное поклонение царю. Надя, в момент произведения её в офицеры, целует руки царя, обнима-

ет его колени; “Боже, дай мне умереть за него! Дай мне только умереть за него!” – думает она [20, с. 261], а после аудиенции больше всего радуется вовсе не чину и не ордену: «Но главное, она отныне носит “его” имя, имя царя, монарха, государя, пожалованное ей в награду. Мечтала ли она когда-нибудь об этом! Это лучше всего, лучше чина, лучше белого крестика, лучше всего мира!..» [3, с. 262].

С тем же восторженным раболепием говорят и думают о царе и герои «Басурманки». «Милый, золотой государь», «наш чудный, умный государь», – так они его называют, заливаясь слезами умиления [11, с. 21].

В других произведениях, не имеющих ярко выраженной военно-патриотической направленности, благоговение героинь перед царём и высшей аристократией ощущается всё равно. Вот в рассказе Л. Чарской «Царевна Лизанька» девочка Танюша осмеивает свою новую знакомую Лизу, которую ей представили как дочку плотника; но вскоре Танюша узнаёт, что Лизанька – дочь царя Петра Первого, и её отношение к девочке меняется вмиг: «Хочется ей сейчас всю душу свою положить за ласковую царевну... Жизнь свою отдать за неё...» [22]. Вот Люда героиня повести той же Чарской «Записки институтки», обласкана монаршей четой, посетившей институт: «Близость монарха, доброе, отеческое отношение, его – великого и могучего, держащего судьбу государства и миллионов людей в крупных руках, – всё это заставило содрогнуться от нового ощущения душу маленькой девочки» [17, с. 83]. А мать Муси из тетралогии В. Новицкой посвящает целую оду Александру II [10, с. 81]. Такое отношение героев к

монархам детерминировано типичной для беллетристики позицией: в отличие от авторов «элитарной» литературы, рассчитанной на теоретический уровень познания, беллетристика рассчитана на обыденный – и глубокое проникновение в идеологию не характерно для беллетриста: он либо поддерживает официальную политику государства, либо, реже, поверхностно симпатизирует какому-либо модному оппозиционному течению.

Авторы «девичьих повестей» практически единогласно выбрали первый путь. По словам Е. Данько, исследовавшей творчество Чарской, издательство «Товарищество М.О. Вольф», где издавались её книги, «требовало, чтобы автор «подцарил» каждую книгу» [4]. Вероятно, эти требования предъявлялись и к другим писателям. Рвение, с которым воплощалось «подцарение», высмеивал ещё до революции К. Чуковский: «Особенно недосыгаема Чарская в пошлости патриото-казарменной: «Мощный Двуглавый Орел», «Обожаемый Россией монарх» – это у нее на каждом шагу, и не мудрено, что унтеры Пришибеевы приветствуют её радостным ржанием, а какой-то Ревунов-Караулов отдал даже такой приказ:

«Книга г-жи Чарской должна быть приобретена в каждой семье, имеющей какое бы то ни было соприкосновение... с кавалерией» [24, с. 309].

Не только Отечественная война 1812 года, но и современная вышеуказанным авторам русско-японская война нашла отклик в творчестве писательниц. Тетралогия о Мусе Старобельской, например, – образчик «девичьей» литературы начала XX в., характеризуется интеграцией в сознании и поведении

героев патриотических и крайне националистических идей. Первая книга, «Хорошо жить на свете!», написана в период войны с Японией, и целая глава в ней посвящена размышлениям десятилетней героини о войне. «Чего только не пишут об этой ужасной войне! А какие наши русские молодцы, как они хорошо бьются с этими противными желтоглазыми японцами, хотя тех и гораздо больше. <...> У папы висит на стене карта Европы; так Россия на ней такая большая, такая большая, к чему нам ещё чужая земля, где живут эти противные японцы и китайцы? Если бы я была царицей, я не позволила бы, чтобы в моём государстве все эти уроды жили, всех поразогнала бы, – никого, кроме нас, русских!» – так рассуждает Муса [10, с. 17].

По современным меркам её мысли оказались такими радикальными, что при переиздании в 2011 г. эти строки были убраны из текста, как и ещё несколько резких моментов, и полную версию можно найти только в Интернет-библиотеках. Но следующая книга тетралогии, «Весёлые будни», вышла в том же году без купюр, а там националистические нотки звучат не менее резко. Муса поступает в гимназию, и в первый же день её недовольство вызывает соседка по парте, девочка с восточным типом лица, принятая Мусей опять же за японку. «Ничего не поделаешь, сидим рядом, но я нарочно с ней ни слова, будто её и не существует. Вот ещё, может, её дядя или братья русских убивали, а я с ней разговаривать стану!» [12, с. 6] – но как только выясняется, что девочка эта русская, Муса спешит с ней подружиться. Но если антипатия Муси к японцам ещё более или менее обусловлена войной, то

ситуация, описанная в главе XIII, выглядит совсем уж неприглядно. Муса и её подруга рассказывают Володе, двоюродному брату Муси, про любимую учительницу Тер-Окопову, и тот делает «открытие»: «Да знаете ли вы, что Терракотка-то ваша – армяшка? Самая настоящая армянская армяшка!» – и, более того, зло передразнивает речь армян [12, с. 46]. Этого хватает, чтобы девочки охладели к учительнице. Так автор из благих, вроде бы, намерений пытается возбудить в читателях патриотическое чувство, но доводит его до крайних (националистических) проявлений.

Авторы «девичьих повестей» много писали и о социальном неравенстве. Уже упомянутый нами социальный заказ требовал, чтобы почти в каждой повести героине довелось спасти, выручить или чем-нибудь одарить бедняка и/или больного. Однако заметно, что к истинному равенству никто из авторов не стремится.

Лика из повести Чарской «Особенная» позиционирует себя как защитница бедных, помогает своему возлюбленному и единомышленнику князю Гарину основать сиротский приют, подчёркнуто дружелюбно общается с купцом Силой Романовичем.

Трояновы из «Басурманки» Новицкой заботливы и внимательны к своим крепостным. Той же заботы о крестьянах пытается добиться от своих родителей Женя из повести Е. Ильиной-Пожарской «Так они жили». В зависимости от требований издателя, главной героиней произведения может быть как девочка-дворянка, так и девочка из совсем не знатной семьи.

Но те же авторы подчёркивают, что каждый их герой находится и должен

находиться на той ступеньке социальной лестницы, куда поставила его судьба, и борьбе с неравенством как таковой они предпочитают помощь сильных слабым: Трояновы заботятся о крестьянах, смотрят на некоторых слуг как на членов семьи, но не дают им воли; Муся Старобельская с разрешения матери дарит больной дочке молочницы свою куклу; похожие поступки часто совершают и дети из произведений Чарской.

Но идеи социального равенства прослеживаются в исследуемом феномене недостаточно рельефно. Реальные попытки героинь вырваться из своей среды изображаются в «девичьих повестях» как заведомо обречённые на неудачу: Нелли из повести Анненской «Чужой хлеб» и Надя Таирова из повести Чарской «Волшебная сказка», девочки из простых семей, расплачиваются за право воспитываться в богатых дворянских домах душевной болью и унижениями, и обе они в итоге покидают своих благодетельниц, чтобы вернуться к простой трудовой жизни. А в повести В.П. Желиховской «Над пучиной» наравне с этими нотками звучат и националистические: главная героиня, юная дворянка Вера, вопреки своей воле просватана за купца, который изображён как неотёсанный, грубый и вдобавок подлый человек, но она не смеет и ответить взаимностью новому знакомому – художнику, пока не удостоверивается в том, что он – русский и дворянин.

Изредка поднимается в «девичьих повестях» и тема эмансипации женщин – например, в «Виновна, но...» Чарской и «Трудной борьбе» Анненской. Так, Ольга из «Трудной борьбы» выбирает медицинскую стезю (и снова

отметим филантропическую направленность избранной ею профессии), но сталкивается с недоверием пациентов, не привыкших к женщинам-врачам, и в конце повести решает ехать с подругой в какую-нибудь деревню, где нет конкуренции. Но такие повести предназначаются для читательниц постарше, 15–18 лет, и их сравнительно мало.

Отметим, однако, что один из авторов «девичьих повестей» всё же отошёл в своём творчестве от монархистских идей. Сделала это Лидия Чарская. Самые известные её «девичьи повести» (цикл о семье Джавахы, «Лизочкино счастье», «Записки маленькой гимназистки», «Смелая жизнь») действительно отличаются приверженностью монархизму; но советская писательница и публицист Е.Я. Данько, автор статьи «О читателях Чарской» (1934 г.), отмечает, что идеологическая окраска произведений данного автора меняется в зависимости от круга читателей, которому адресована повесть. Книги монархистского толка издавались главным образом «Товариществом М.О. Вольф», выходили они роскошно оформленными, продавались по высоким ценам – от 1р.75к. до 3р.50к. Они были предназначены для дочерей дворян, богатых чиновников, старших офицеров, а также для элитных учебных заведений.

Но «девичьи повести» Чарской нередко выходили также в издательстве «В.И. Губинский», которое «обслуживало своими детскими книгами других потребителей, нежели Вольф, а именно – городские школы, семьи мелких чиновников, обедневших дворян, разночинцев» [4]. «Особенная» и «Некрасивая», где критически изо-

бражены аристократы и им противопоставлены в одном случае купцы, а в другом – бедные интеллигенты, вышли именно там. Данько уличает Чарскую в лёгкой смене принципов в угоду издателю: «политические воззрения автора – это поверхностный лак, которым автор откровенно подмалевывает свои произведения в угоду заказчику» [4]. Данько даже осмеливается сравнить её с Кондрашовой и Желиховской в пользу последних, заявляя, что те, в отличие от Чарской, отличались твёрдостью принципов, основанных на христианской этике. У Чарской же религия – лишь способ получить выгоду: вымолить выздоровление больному близкому человеку, получить с переходом в христианство защиту русских властей и т. д. Каковы же истинные взгляды самого популярного автора «девичьих повестей»?

Данько приходит к выводу, что взгляды эти – мелкобуржуазные (согласно Краткому политологическому толковому словарю В.А. Ацюковского и Б.Л. Ермилова – «идеология значительной части населения (не только мелкой буржуазии), ставящей личные интересы выше общественных, стремящейся к получению благ за счет общества при минимальной отдаче обществу своего труда или без него» [3, с. 26]), в отличие от идеологии монархизма, присущей Кондрашовой, Лукашевич, Желиховской и другим авторам. Не будучи учёным-философом, она, тем не менее, смогла убедительно доказать свой тезис, и мы как исследователи должны согласиться с её доводами. Данько утверждает, что «традиционная» героиня «девичьей повести» – набожная, самоотверженная, милосердная – хоть и часто при-

сутствует у Чарской, но изображается так, что читатель не хочет подражать такому персонажу. Истинно достойными подражания Чарская изображает других героинь – энергичных, самовлюблённых, отрицающих традиционную мораль и этикет. В качестве примера Данько приводит Люду Власовскую и Нину Бек-Израил из цикла о семье Джавахы:

«Добродетельная и религиозная Люда Власовская, образ которой определенно близок образу Кати Солнцевой в книгах Кондрашовой, превращается в скучную, педантичную, хотя и самоотверженную гувернантку.

Автор не скрывает своего пренебрежения к «бедной Люде», подчёркивая превосходство её воспитанницы, нарушающей все приличия, но зато яркой и самостоятельной «второй Нины» [4].

Далее Данько характеризует собирательный образ «идеальной» героини Чарской, сравнивая её отнюдь не с Катей Солнцевой, Женей Стоцкой или Женевиёвой Трояновой, а с героинями дореволюционного любовного романа: «Развинченная героиня романов Вербицкой, Нагродской и Анны Мар вошла в детскую книгу, надев для приличия передник институтки. Она принесла с собой маниакальную самовлюбленность, истеричные выходы и экстатические бреды» [4]. Действительно, Нина Джавахы и Нина Бек-Израил из цикла о семье Джавахы, Лида Воронская из автобиографического цикла Чарской, Конкордия из повести «Тринадцатая» и Инна из «Южаночки», – все они резко отличаются от героинь других «девичьих повестей» крайней независимостью характера, резкостью, взбалмошностью

и эгоцентризмом. Это не те героини, которые стали бы гувернантками или сёстрами милосердия. Они не отвечают социальному заказу, обозначенному нами выше.

Но если есть такая героиня, то должен быть социальный заказ и на неё. И Данько находит причины появления таких героинь: «Под влиянием этих книг кристаллизовался в быту особый тип самовлюбленной аффектированной девочки. Ей предстояло в будущем щекотать чувственность, инженеров с черными как смоль бакенбардами» и «поручиков Хорченко» как своей институтской наивностью, так и вакхическими экстазами. Детская книга выполняла заказ на женщину, которую хотело иметь мещанство той эпохи» [4].

Примечательно, что мелкобуржуазная идеология у Чарской маскируется под идеологию, требуемую издателем. Формально те же повести о семье Джаваха обозначены как монархистские, другие произведения тоже отвечают запросу издателя. Но «заказные» политически окрашенные моменты прописаны в них довольно грубо, в то время как мелкобуржуазные идеи внедряются в сознание читателя тонко, с художественной точностью и изяществом.

Характерно, что именно с произведениями Чарской, а не Желиховской или Новицкой, после революции пришлось бороться советским идеологам. «Подпольное» чтение Чарской было широко распространено среди советских подростков, особенно в 30-е гг. Это неудивительно: идеологическая актуальность книг «соперниц» Чарской во многом была обусловлена социальным неравенством, они учили прежде всего милости к социально неблагополучным людям и «грамот-

ному» с монархистской точки зрения, с милосердием, но без равноправия, обращению с ними; уравнивание всех классов в правах сделало потребность в таких воспитательных мерах неактуальной. Снисходительно-жалостливое отношение к слабому не поощрялось идеологами марксизма – слабому следовало помочь стать сильным. Книги же Чарской, будучи мелкобуржуазными по сути, играли на индивидуалистических наклонностях читателя, тяге к сугубо личным победам и радостям, оторванности от коллектива, т. н. «мещанству» – и это логично, поскольку стремление удовлетворить прежде всего личные интересы вообще свойственно природе человека. К тому же они привлекали юных читателей романтизмом, приключениями, эмоциональностью и психологизмом.

Итак, мы должны подчеркнуть идеологическую амбивалентность дореволюционных «девичьих повестей». Изначально они создавались в ключе монархизма, с целью воспитать в читательницах желание служить людям, но даже в мыслях не посягать на существующую государственную идеологию и политический строй. «Богородные дела», пропагандируемые в данных повестях, должны были совершаться строго в рамках существующего уклада жизни. Однако повести Чарской (творческий путь которой начался позже, чем у Анненской, Лукашевич и большинства других авторов) имели уже иную идеологическую окраску и служили другой цели – воспитанию женщины, в которой удалось дореволюционное мещанство. Небуржуазные идеи, высказываемые в её повестях, носили поверхностный характер и лишь слегка маскировали

их истинную мелкобуржуазную окрашенность.

Анализ идеологической компоненты в дореволюционных «девичьих повестях» показывает, что, несмотря на их кажущуюся идеологическую индифферентность в них, как и в других произведениях художественной литературы, содержится идеологический элемент. А следовательно, и применительно к ним подтверждается вывод о том, что художественная литература в любых ее проявлениях выполняет по отношению к идеологии следующие функции:

- носителя определённой идеологии (или идеологий);
- распространителя идеологических воззрений;
- популяризатора определённых идей;
- пропагандиста идеологических взглядов;
- поля идеологического противоборства;
- оружия идеологической борьбы;
- аккумулятора фрагментов истории идеологической борьбы, отражённых средствами художественной литературы. (см.: Песоцкий В.А. «Художественная литература и идеология»).

ЛИТЕРАТУРА:

1. Анненская А.Н. Трудная борьба. М.: Книга по требованию, 2011. 66 с.
2. Анненская А.Н. Чужой хлеб. М.: Энас-книга, 2011. 200 с.
3. Ацюковский В.А., Ермилов Б.Л. Краткий политологический толковый словарь. М., 2003. 37 с.
4. Данько Е.Я. О читателях Чарской // Звезда, 1934, № 3.
5. Желиховская В.П. Подруги. Над пучиной. М.: Энас-книга, 2012. 280 с.
6. Ильина-Пожарская Е.Д. Так они жили. М.: Энас-книга, 2012. 136 с.
7. Кондрашова Е.Н. Дети Солнцевых. М.: Энас-книга, 2011. 256 с.
8. Лухманова Н.А. Институтки. М.: Энас-книга, 2010. 224 с.
9. Маршак С.Я. О большой литературе для маленьких. М.: Художественная литература, 1930. 64 с.
10. Мацхевич (Новицкая) В.С. Хорошо жить на свете! СПб.: А.Ф. Девриен, 1906. 182 с.
11. Новицкая В.С. Басурманка. М.: Энас-книга, 2012. 224 с.
12. Новицкая В.С. Безмятежные годы. М.: Энас-книга, 2011. 384 с.
13. Песоцкий В.А. Художественная литература и идеология / Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Философские науки». 2008. № 2. С. 52–72.
14. Чарская Л.А. Волшебная сказка. М.: АСТ, 2011. 384 с.
15. Чарская Л.А. За что? М.: Паломник, 2007. 368 с.
16. Чарская Л.А. Начало жизни. М.: Захаров, 2007. 512 с.
17. Чарская Л.А. Некрасивая. М.: Энас-книга, 2014. 224 с.
18. Чарская Л.А. Особенная. М.: Энас-книга, 2014. 224 с.
19. Чарская Л.А. Смелая жизнь. М.: АСТ, 2010. 384 с.
20. Чарская Л.А. Тринадцатая. М.: Энас-книга, 2014. 224 с.
21. Чарская Л.А. Царевна Лизанька. / Задушевное слово для старшего возраста, 1916 г., № 44–52.
22. Чарская Л.А. Южаночка. М.: Энас-книга, 2014. 224 с.
23. Чуковский К.И. ПСС в 15 т. Т. 7. М.: Агентство ФТМ, 2003. С. 303–312.
24. Шкловский В.Б. Княжна Джаваха // Звезда, 1933, № 5.
25. Шкловский В.Б. О пище богов и о Чарской // Литературная газета, 1932, 5 апреля.

УДК 316.77;316.37

Горбунов А.С.*Московский государственный областной университет*

ПРОБЛЕМА СУВЕРЕНИТЕТА ЛИЧНОСТИ В ОБЩЕСТВЕ МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Аннотация. В статье исследуется воздействие средств массовой коммуникации на суверенное пространство личности. Выявляются особенности этого воздействия на современном этапе. Выясняется, каким образом эти особенности участвуют в воздействии СМК на общество и личность. Суверенитет личности рассматривается в качестве фундаментальной ценности, лежащей в основе позитивного развития социальных процессов. Предлагается отстраивать систему свободного личностного участия в масс-коммуникационном процессе, прививать человеку в процессе образования и воспитания «вкус» подлинной свободы, умения сохранять независимость суждений и оценок при восприятии предоставляемых информационных массивов.

Ключевые слова: масс-медиа, общество, личность, воздействие, свобода, суверенитет.

A. Gorbunov*Moscow State Regional University*

THE ISSUE OF INDIVIDUAL SOVEREIGNTY IN MASS COMMUNICATION SOCIETY

Abstract. The article examines the impact of mass communication on individual sovereign space and reveals ongoing peculiarities of this impact. The author discloses the role of these peculiarities in the attacks of mass communication media on society and individuals. Individual sovereignty is considered as a fundamental value underlying the positive development of social processes. It is proposed to build a system of free personal participation in mass communication process, to inculcate the taste of freedom and raise the ability to preserve independence of judgment and assessments while perceiving the bulks of information produced by mass media.

Key words: mass media, society, identity, impact, freedom, sovereignty.

Прежде чем говорить о суверенитете личности, следует отметить, что его понимание не может исчерпываться воззрениями современных теоретиков либеральной мысли, склонных к абсолютизации личностного бытия и если не к полному отказу от признания роли общественного, то к отгораживанию от него. По словам одного из них, Г. Коэна, концепция права собственности на самого себя состоит в том, что «каждый человек пользуется полным и исключительным правом контроля и использования себя и своих возможностей и, следовательно, не обязан предоставлять никаких услуг или продуктов кому-либо другому, если он не договаривался их предоставлять» [3, р. 144].

Однако суверенность личности, ставшая одним из самых существенных плодов христианской цивилизации, неразрывно связанная в её осмыслении с понятием свободы личности, является одним из основных условий позитивного антропогенеза и социального развития.

При этом декларативная суверенизация личности, называние прав и свобод личности фундаментальной ценностью стали сегодня смысловой компонентой идеологии масс-коммуникативных, в первую очередь западных, обществ. Противоречие между подобным прочтением личностного бытия, берущего начало в классическом «локковском» либерализме, и реалиями социума наших дней не может не выражаться во всё большей фальсификации модуса существования каждого отдельного индивида. Джон Локк в «Двух трактатах о правлении» писал, что у каждого человека есть право собственности на свою личность. Философ также говорил, что человек имеет право решать, кем ему стать и чем заниматься, а также «право пожинать плоды своих усилий».

В нынешней действительности личные права и свободы перманентно испытывают деструкцию, а их субъект использует всю совокупную мощь информационных, масс-коммуникационных технологий. Атака на личностный суверенитет производится сразу с нескольких направлений.

Под предлогом борьбы с терроризмом и разного рода угроз со стороны криминальных группировок принимаются всё новые и новые законы, подобные «Патриотическому акту», введённому в США после атаки на башни-близнецы 11 сентября 2001 г.

Эти нормотворчество призвано разрушить такие понятия, как *тайна переписки, тайна частной жизни, свобода и анонимность доступа к общественно-важной информации*.

Обнародование конкретных фактических материалов об этой тотальной слежке, осуществлённое Э. Сноуденом и Д. Ассанджем, подтвердило многое из того, что ранее бытовало в качестве догадок, а то и высмеиваемых подозрений. Теперь общепризнанным фактом стало грубейшее нарушение прав человека в форме доступа спецслужб США и других западных стран к личным данным практически любого жителя Земли, участвующего в телекоммуникационном обмене.

Заметим, особенностью общества нового типа является невозможность неучастия в масс-коммуникационном процессе даже при условии самой минимальной социализации человека. В данном контексте, когда взлом личных данных становится повседневной обыденностью, суверенитету личности наносится весьма болезненный и непоправимый ущерб, так как человек перестаёт быть конечным владельцем и хранителем сведений частного, а порой и интимного характера о самом себе.

Всё заметнее сужается и круг тех ценностных установочных предпочтений, что личность может позволить себе иметь, высказывать и даже хранить на электронных носителях без риска подвергнуться огульной обструкции. Взяв на вооружение догматическую интерпретацию понятия толерантности, группы влияния общества массовой коммуникации западного образца и его адепты в глобальном измерении производят жёсткую селекцию человечества на носителей

«толерантных» в их трактовке (удобных) или «нетолерантных» (неудобных) взглядов.

Возникает новая разновидность верноподданничества, когда для успешной социализации необходим безусловный, а порой и вычурный, *лоялизм* к любым нововведениям, предлагаемым «творцами мнений», продуцируемыми ведущими СМК и их экспертами. Классическим случаем реализации давления на личность с этого направления стала фабрикация так называемых «гомофобов». К ним чаще всего относят обычных и весьма толерантных людей, всего лишь выступающих за нормальные половые отношения (между мужчиной и женщиной) и традиционные браки (правда, и само понятие нормы как таковой всё чаще становится предметом дискуссии, а то и обструкции).

Ситуация в названном случае, как и во многих других, осложняется тем, что, отстаивая свои воззрения, человек нередко отстаивает и религиозные, а значит, самые глубокие, дорогие для него ценности.

И именно на пути этого отстаивания в форме простого несогласия с тем, что с точки зрения исходной традиционной аксиологии является недопустимым и даже преступным, – на этом пути даже самого тихого отказа от радикального принятия навязываемой «нормы» – человек становится диссидентом и изгоем. Таким образом, личность всё более лишается права на выбор вероисповедания, а тем более на открытое высказывание своих духовных предпочтений. Так же, как и «взлом» личностного пространства посредством «хакинга» со стороны спецслужб, это входит в прямое и яв-

ное противоречие с идеями суверенизации личностного бытия.

Названные воздействия, испытываемые личностью в масс-коммуникационном обществе, носят зримый характер, содержат отголосок тоталитарного насилия. Однако не следует думать, что деформация суверенного личностного пространства происходит исключительно в указанных формах.

Всё большей проблемой становится реализация ещё одной основополагающей активности, лежащей в основе понятия свободы личности. Речь идёт о свободе выбора, распространяющегося на самые различные сферы жизнедеятельности каждого человека. Следует отметить, что в данном случае поднимается дискуссионный вопрос, на который существует два спектра ответов.

Первый обусловлен «радужным» восприятием возможностей, представляемых СМК, в первую очередь сетевой коммуникацией. Адепты «сетевой свободы» утверждают, будто интернет как раз и является тем пространством, где человек реализует собственную свободу в познании, в коммуникации с себе подобными, в высказывании мыслей и идей, выборе, объекта для изучения, чтения, осмысления, в выборе товара или развлечения.

В данном случае всегда следует иметь в виду ограничение, связанное с фактическим контролем за содержанием интернет-контента, и в первую очередь за его пользователями, со стороны могущественных структур, владеющих глобальными СМК и контролирующими интернет-трафик, незримо присутствующих «по ту сторону монитора». Но даже если вынести за

скобки это решающее обстоятельство, стоит обратить внимание и на иные аспекты.

Помимо базовых возможностей на уровне формирования контента, воздействие на потребителя информации в сетях сопровождается тонкими настройками и системой множественных факторов, влияющих на участника коммуникативного процесса. Сам он, к слову, может не замечать и, как правило, не замечает подобного влияния.

Однако пристальное изучение контента, сопоставление установок, предлагаемых большинством «раскрученных» сетевых ресурсов, а также получивших известность авторов блогосферы заставляет приходиться к выводу, что многие пороки СМК, которые были присущи «классическим СМИ» (печатной прессе, радио, телевидению, массовой книге), не были преодолены в сетевом пространстве.

Новыми средствами и на новом этапе утверждается общая информационная картина, в которой доминантами становятся положения, транслируемые глобально-монопольными СМК. Более того, монополистами становятся поисковые системы, упрямо при этом отрицающие саму возможность отнесения их к медиа-ресурсам. Так, недавно успешно в юридическом отношении оспорил свою принадлежность к поисковым СМИ самый мощный российский поисковик «Яндекс».

Известны, к примеру, попытки органов власти Евросоюза ограничить монополизм поисковой системы *Google*, распространившей свой охват на 80 процентов аудитории пользователей интернетом в странах ЕС. Причём, при верной в целом постановке вопроса, не может не удивлять, что

еврочиновников интересуют в рассматриваемом контексте исключительно экономические проблемы неких средних и мелких коммерческих фирм, информацию о которых *Google* выводит за рамки своего сетевого поиска. Несомненно, здесь присутствует нарушение экономических свобод, принципов свободной конкуренции.

Однако не следует ли говорить о том, что столь же «эффективно» монополист в интернет-пространстве может воздействовать и на свободу ценностного мировоззренческого выбора личности. И это лишь один из аспектов проблемы.

Монополист, имеющий доступ в интернет на уровне организации сетевого поиска, действуя в связке с набором иных СМК, в которых он имеет влияние, получает возможность мультипликативного эффекта воздействия на сознание личности, существующей в иллюзии свободы выбора информации. Нередко благодаря её ветвлению реципиент на самом деле получает лишь набор разнообразных форм, позволяющих закамouflировать однородность сердцевины содержания.

С самого детства он может усваивать одну и ту же идеологическую установку в различных формах. Приведём всего лишь один простейший пример того, как может быть создана устойчивая установка. Юноша играет в сетевую компьютерную игру, где сражается с «русскими агрессорами». Он смотрит по телевизору мультфильм про «русских варваров». Позже знакомится в кинотеатре с блокбастером на ту же тему. Читает статью, разоблачающую «деспотическую Россию» во влиятельной газете. Встречает упоминание о новых «русских угрозах»

на популярном сайте. Подхватывает «спонтанные» (на самом деле изготовленные на заказ) комментарии идейно подкованных русофобов в социальных сетях. Сопереживает персонажу сериала или массового «чтива», разделяющего схожие идеи.

Мы привели лишь примерный набросок того, как сегодняшние СМК могут формировать у человека идеологию, входящую в его подсознание, «программировать» его. Можно ли в данном случае говорить о полноценном суверенитете личности? Едва ли. Напротив, рост возможностей информационных воздействий приводит к тому, что предустановленность личностных ориентаций, исключая, по сути, саму возможность её суверенного развития, ставится всё более и более вероятной.

Недалёк тот день, когда высшим проявлением гениальности в обществе массовой коммуникации западного типа станет не способность изобретать, творить, создавать произведения искусства, но личностный потенциал, позволяющий сохранять свободу мышления и обусловленную ею личностную суверенность.

Следует признать, что идущая десуверенизация личности, фактическое ограничение её прав и свобод, проводимое в информационной сфере, позволяют ведущим кругам развитых западных стран решать некоторые тактические задачи развития. Общество становится более послушным, управляемым, с лёгкостью воспринимает новые, ещё вчера, казалось бы, неприемлемые концепты.

Вопрос заключается в том, какое с точки зрения формирования личности, масс-коммуникативное обще-

ство в конечном счёте будет построено в России. Здесь существует три решения.

Можно идти по пути прямого воспроизведения западной модели, либо бездумно, либо с вредным умыслом транслировать в российское общество и навязывать российскому гражданину все те установки, что несут глобальные СМК. Понятно, однако, что вкупе с разрушением личностного суверенитета это приведёт и к стремительной эрозии суверенитета государственного. Ведь граждане страны станут носителями задаваемых и контролируемых извне форм сознания.

Существует искушение перенять эффективную с точки зрения манипулирования общественными процессами западную модель, но насытить её собственными смыслами, идеями, концептами, то есть также пытаться создавать «предустановленную» личность, но «свою» – гражданственную, патриотичную, конструктивно мыслящую.

Третий путь представляется наиболее сложным, в известном смысле затратным, однако и наиболее эффективным в том, что касается конечного результата. Как бы ни было велико искушение произвести из десуверенизированной личности «правильно запрограммированного» субъекта социальных и государственных соотношений, стоит признать, что его ценность может оказаться невелика. По нескольким причинам.

Существует риск отставания в масс-коммуникационных технологиях и приёмах. На текущем этапе это отставание является, к сожалению, признанной, объективной и неоспоримой данностью. Следовательно, почти

неизбежна ситуация утраты контроля за некоторыми процессами масс-коммуникативного воздействия на личность. А значит, существует возможность её лёгкого «перепрограммирования».

Однако, разумеется, наиболее существенно другое. Свободная личность, избравшая те или иные ценности и ориентиры в результате свободного же восприятия, гораздо более укоренена в них, развита и устойчива к разного рода негативным внешним воздействиям.

Здесь остро стоит вопрос о соблюдении известной меры, когда воспитание фундаментальных духовно-нравственных ценностей уже закладывает в основание личности её базовое ядро, но ещё не приводит к повреждению способности выстраивать собственную суверенность, собственную позитивно понимаемую и идущую не в ущерб, а на пользу общему индивидуальность.

Представляется, что российским обществом востребован именно такой тип личности, и задача масс-коммуникационного процесса – способствовать его получению.

Слова о свободе из работы Ивана Ильина полувековой давности «России необходима свобода», использованные президентом РФ в ежегодном послании к Федеральному Собранию 2014 г., могут свидетельствовать о личностной свободе как об одном из определяющих целеполаганий, а одновременно и базовых условий развития современного российского социума. Ильин подчёркивал: «Кто любит Россию, тот должен желать для неё свободы; прежде всего свободы для самой России как государства, её междуна-

родной независимости, её державной самостоятельности; далее – свободы для России как национального, хотя и многочленного единства, т. е. творческой нестеснённости, любовного возвращения русской и всех других российски-нерусских национальных культур; и, наконец, свободы для русских людей как множества духовных и хозяйственных личностей, свободы для всех нас, как живых субъектов права: свободы веры, искания правды, творчества, труда и собственности» [1, с. 310–312].

Следует констатировать, что свобода и суверенитет личности являются тем ценностным началом, которое не только входит в противоречие с разрушительными аспектами масс-коммуникационных процессов, но и способно активно противодействовать деструктивным влияниям. Особенно актуально это теперь, когда «осмысление последствий цифровой глобализации открыло осознание разницы между цифровым и физическим миром» [2, с. 69].

Суверенизация личностного бытия сама по себе несёт в себе большой потенциал, способствует созидательному человеческому началу. Впечатляющие достижения западного общества эпохи модерна – пожалуй, лучшие свидетели данного тезиса. Ни в коем случае не следовало бы смешивать достижение этого несомненно высокого уровня социального и антропологического с выхолащиванием понятия личностного суверенитета на практике, а нередко – и его современными либертарианскими теоретиками. Особенностью ситуации является сочетание абсурдизации (умышленной и / или неосознанной) суверенитета личности через прида-

ние ему экстремистских форм с фактической атакой на него всей совокупной мощью СМК и информационных технологий общества массовой коммуникации.

В подобных условиях необходимо не следование «передовому опыту», но создание собственной привлекательной общественной модели, где в ряду ценностей одну из ключевых позиций занял бы суверенитет личности.

Аксиоматика российского общественного бытия нуждается в названной ценности ещё и потому, что наряду с возвращением к традиционным ценностям восполнение и неформальная институализация личностной свободы стала бы ответом не только на сегодняшнее, но и на историческое требование социума.

Для отечественного дискурса идея личностного суверенитета является выстраданной насущной проблемой. Приходя в неизбежное столкновение с тенденциями масс-коммуникативного общества эта идея обретает новое измерение и дополнительную актуализацию. Вопрос сегодня стоит следующим образом: достаточно ли у нас сил на новом этапе заявить идею свободы личности таким образом, чтобы она преобразующим образом повлияла на дальнейшее становление общества массовой коммуникации? Или же мы смиримся с тем, что его негативные тенденции ослабят, а, в конце концов, и разрушат, свободу личности и её суверенитет?

Задачей подлинного образования и воспитания в этой связи становится, помимо прочего, привитие «вкуса» подлинной свободы, умения сохранять независимость суждений и оценок при восприятии предоставляемых

информационных массивов. Одной из компетенций всякого участника социальных отношений сегодня должна стать способность к критическому творческому и свободному участию в масс-коммуникационном процессе.

Сам же этот процесс должен быть отрегулирован со стороны общественных и государственных структур таким образом, чтобы любые попытки ограничения личностного суверенитета были по возможности локализованы и минимизированы.

При соблюдении указанных условий появляется шанс построения общества флагманского типа, на которое стали бы во всё возрастающей степени ориентироваться просвещённые круги наиболее развитых, а также и развивающихся стран. Переосмысленная и прошедшая испытание массовой коммуникацией идея личностной свободы и личностного суверенитета с новой силой привлекла бы к себе последователей, став подтверждением старого тезиса о том, что любая проблема содержит возможности для нового развития.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Ильин И.А. Национальная Россия. Наши задачи. М.: Эксмо, Алгоритм, 2011. 464 с.
2. Манжуева О.М. К вопросу об истории возникновения информационной этики // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. № 3. 2014. С. 65–71.
3. Мейр Дэн-Коэн. Опасные мысли: сочинения о законе, себе и морали. Dan-Cohen, Meir. Harmful Thoughts: Essays on Law, Self, and Morality. Princeton University Press, 2002. 296 p.

УДК 18:34

Горностаева Л.Г.*Российский государственный университет правосудия (г. Москва)***ЭСТЕТИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА ПРАВОВЫХ ЯВЛЕНИЙ**

Аннотация. В статье осуществляется социально-философский анализ процесса эстетической оценки правовых явлений. Рассматриваются некоторые особенности эстетической оценки всего того, что связано с правом, правовыми отношениями, правовой деятельностью государства и граждан страны. Раскрываются с эстетических позиций некоторые аспекты языка права, правовых символов и учреждений. Автор использует для своего анализа как общенаучные и философские категории, так и те понятия, которые относятся к юридическим наукам.

Ключевые слова: эстетика, право, символ, оценка, вкус, идеал, культура, красота, прекрасное, закон, юрист.

L. Gornostaeva*Russian State University of Justice (Moscow)***AESTHETIC EVALUATION OF LEGAL PHENOMENA**

Abstract. This paper carries out socio-philosophical analysis of aesthetic evaluation of legal phenomena. The author considers some features of aesthetic appreciation of everything connected with law, legal relations, legal activities of the state and its citizens. Some aspects of the language of law, symbols of law and legal institutions are viewed aesthetically with the use of both common scientific and philosophical categories and concepts of legal sciences.

Key words: aesthetics, law, symbol, evaluation, taste, ideal, culture, beauty, beautiful, law, lawyer.

Эстетика исследует самые разные стороны действительности: природу, общество, человека и его деятельность [1; 2; 5], но рассматриваются все эти явления под особым углом зрения. Она выражает различные эстетические предпочтения, вкусы и взгляды людей, общества в целом, которые накладывают свою печать на весь облик материальной и духовной жизнедеятельности людей, в том числе и на право [3; 6; 8]. Немецкий правовед Г. Радбрух отмечает: «Подобно любому явлению культуры, право требует материальных средств выражения: языка, жестов, одежды, символов, зданий. Как и любое материальное средство выражения, материальное выражение права подлежит эстетической оценке. И, как и любое явление, право также может служить материалом для искусства, оцениваться с эстетической точки зрения. Можно уже говорить и об эстетике права, которая, правда, лишь начинает формироваться, и проявления которой отрывочны и редки» [7, с. 122].

Эмоциональная реакция людей на то или иное правовое явление может выражаться в форме эстетической оценки. Она может выражаться (и чаще всего

выражается) в форме высказывания, описывающего те или иные чувства человека при восприятии им соответствующего правового явления. И. Кант в «Критике способности суждения» такое высказывание назвал «суждением вкуса». В обыденности принято выделять понятия «хорошего вкуса» и «дурного вкуса», или безвкусицы. Часто можно слышать, что о вкусах не спорят. Но, как правило, все соглашаются с тем, что в социуме имеется некий своеобразный образец прекрасного, которого, в частности, придерживаются люди с «хорошим вкусом». Также общепризнано, что если человек обладает развитым эстетическим вкусом, то он способен к различению прекрасного и безобразного, к восприятию и оценке эстетических свойств того или иного явления. Полагаем, что развитой эстетический вкус можно определить через эстетическую оценку. Она формируется у человека на основе знания мировой и национальной культуры, выраженной, прежде всего, в художественной практике людей. Вместе с тем определить универсальную формулу хорошего вкуса, на наш взгляд, не представляется возможным, так как его возможные критерии находятся в сфере чувствования и не могут быть чётко выражены.

В понятии *эстетическая оценка* фиксируется более сложный, нежели вкус, способ понимания и осознания эстетического. Это своеобразный способ рефлексии чувственно-эмоциональных состояний человека, который ставит своей целью выявить эстетическую ценность объекта оценки. Эстетическая оценка проявляет социально-культурную глубину предмета или явления и выражается в форме эсте-

тических чувствований человека, которые часто не поддаются рациональному объяснению. Несмотря на это, структуру эстетической оценки правовых явлений и её компоненты можно выразить посредством сложившейся в общественном сознании общей модели оценки. Она состоит из объекта оценки и субъекта, производящего оценку. При оценке важны её критерии или основания, а также используемые методы. Рассмотрим их подробнее применительно к эстетической оценке правовых явлений.

Понятно, что характерной чертой объекта эстетической оценки является его чувственный характер. Именно чувственно воспринимаемая форма конкретного явления правовой действительности при этом является определяющей. Вместе с тем, при эстетической оценке того или иного правового явления не менее важна его содержательная часть. Единство содержания и формы объекта эстетической оценки даёт нам полную его картину, помогает оценить его всесторонне и глубоко.

Характеризуя объект эстетической оценки со стороны содержания, отметим, что в него должны включаться все элементы оцениваемого правового явления. Эстетическая оценка предполагает всесторонность, она, если можно так сказать, «всеохватна». На наш взгляд, именно всеохватностью она отличается от каких-то иных, например нравственных, оценок, объектом которых оказываются лишь те или иные стороны жизнедеятельности людей.

Довольно специфичен объект эстетической оценки с внешней стороны, т. е. со стороны формы правового явления. Эта специфика состоит в том,

что внешняя сторона правового явления должна соответствовать возможностям человека оценивать его посредством зрения или слуха. Здесь необходимо следующее пояснение. Те или иные стороны или свойства предмета (явления), которые человек получает через тактильные, вкусовые и обонятельные ощущения, оказываются за рамками эстетической оценки. Именно зрение и слух, играющие важнейшую роль в жизни и деятельности человека, являются своеобразной генетической основой его эстетического отношения к действительности.

Также следует учитывать то, что объектом эстетической оценки является не внешняя форма правового явления сама по себе, но её чувственный, т. е. абстрактный, образ в сознании человека. А здесь уже вступают в действие индивидуальность того или иного человека. И это всегда следует иметь в виду при оценке. Получается, что когда оценивается внешняя форма правового явления, то эстетической оценке подвергаются не его свойства сами по себе, а их абстрактный (субъективный) образ, пропущенный через индивидуальное сознание субъекта оценки. Таким образом, не предмет или явление как таковые, а предмет или явление, подвергнутые отражению в сознании человека, являются объектом эстетической оценки.

Вместе с тем, бывает и так, что в качестве объекта эстетической оценки то или иное правовое явление выступает в связи с некоторым, внешним по отношению к нему содержанием. Здесь многое при оценке зависит от развитости конкретного человеческого сознания, от его способности интерпретировать и оценивать воспринима-

емое явление или предмета в качестве своеобразного знака. Иными словами, человек в силу своей эрудированности и профессиональной компетентности домысливает объект оценки с символической его стороны.

Применительно к теме настоящей статьи такая зависимость от индивидуального сознания того или иного человека присуща, например, правовым символам [4] и учреждениям. Объектом эстетической оценки какого-либо правового символа или учреждения должны быть не только их непосредственно внешне воспринимаемые формы, но и внутреннее содержание, которое иногда сложно оценить без знания субъектом оценки социально-культурного потенциала этого символа в соответствии с нормами определённого образного языка. В качестве примера можно привести, например, такой важный символ любой страны, как её гимн. Патриотическая и духовная наполненность гимна не существует в звуках самих по себе, а лишь вызывается ими в сознании слушателя. Иными словами, для того, чтобы эстетически оценить тот или иной правовой символ, субъект оценки должен интерпретировать его в своём сознании с учётом имеющихся у него знаний культуры страны.

Таким образом, оценивание людьми правовых символов и учреждений зависит не только от того, как они выглядят внешне, но и от сложившегося в социуме отношения к этим правовым явлениям. Изменения условий существования, а также сложившегося отношения к этим правовым явлениям в обществе, неминуемо влекут за собой изменение ценности самих этих явлений. Например, здания и залы судеб-

ных заседаний нередко утрачивают существенную долю своей общественной ценности, если на смену им приходят более современные и модернизированные здания.

Субъектами эстетической оценки правовых явлений выступают социум в целом, отдельные его представители, а также члены юридического сообщества. Считаем, что важную роль в эстетической оценке правовых явлений играет профессиональная экспертиза. Например, при оценке юридических документов разного уровня субъект должен видеть не только отражённую в таком документе правовую ситуацию, но и предвидеть ожидаемые изменения, учитывать эти изменения в своих оценках.

При эстетической оценке какого-либо юридического документа эксперт вначале сталкивается с его объективными свойствами (формой, величиной, заложенными в него отношениями), без которых эстетическая оценка этого правового явления не может состояться. Но для эстетической оценки требуется нечто большее, чем восприятие формы юридического документа. Эксперт должен установить, в какой мере, например, форма юридического документа выражает присущее ему содержание, и, учитывая это, определить свойственную ему эстетически значимую ценность.

Следует также иметь в виду, что субъект оценки должен учитывать специфику проявления эстетических свойств результатов труда других юристов. Если при оценке какого-либо живописного произведения анализируется его художественно-образное содержание и выражение в форме, то при оценке эстетической ценности

правовых явлений производится анализ взаимосвязи назначения объекта оценки и их конструктивного решения, с одной стороны, с эстетической содержательностью и профессионально-деловой выразительностью формы – с другой. Форма оцениваемых правовых явлений должна быть не только полезна и целесообразна, но и нести в себе определённый правовой, шире – общественно-культурный смысл.

Важным также является, на наш взгляд, то, что субъект, осуществляющий эстетическую оценку правовых явлений, должен обладать способностью к логическому мышлению. От его способности предвидеть реакции людей, характеризующие их эстетическое отношение к объекту правовой оценки, зависит уровень эстетической привлекательности правового явления. При этом субъект оценки должен соотнести суждения об эстетической ценности правового явления с социальными ожиданиями, правовыми нормами, а также эстетическими идеалами людей.

Зададимся вопросом: что является критерием эстетической оценки правового явления? Как известно, под *критерием* принято понимать мерило для установления степени ценности объекта оценки. В общем плане критерием эстетической оценки является точка зрения субъекта, с которой им выносятся оценка. И, конечно же, в зависимости от того, что принято за основание оценки, меняются результаты самой оценки. Нам представляется, что в качестве критериев эстетической ценности правовых явлений могут выступать исторически сложившиеся в обществе моральные нормы и нравственные правила поведения людей,

устоявшиеся в общественном сознании идеалы и культурные образцы, эстетические вкусы и представления.

С чем можно сравнить правовое явление в акте его эстетической оценки? Таким критерием, на наш взгляд, выступает эстетический правовой идеал. По своему содержанию он представляет собой синтез всех других идеалов человека: морально-нравственных, социально-политических и даже обыденно-бытовых. В рассматриваемом нами правовом плане этот синтез имеет своё эстетическое оформление – это конкретный, обладающий чувственно воспринимаемой формой, образ-представление правового явления. В процессе общественной практики сознание людей обобщает формы правовых явлений, включённых в юридическую практику и соответствующих её целям, вырабатывая положительную установку на определённый тип правовых форм. Положительная оценка содержания таких правовых явлений закрепляется и за наиболее типичными моментами их формы, причём настолько прочно, что последние затем уже вызывают положительные эмоции сами по себе, а именно чувство красоты (как, например, государственный флаг или герб, форма военнослужащих или представителей силовых структур своей страны).

Основания эстетической оценки особым образом проявляются при оценке юридических законов. В целом эстетический идеал правового явления есть наиболее общее представление о справедливом содержании и красивой форме. Так же, как и в отношении явлений действительности, их оценка включает в себя оценку как содержания, так и формы. Особенность

же эстетической оценки состоит в том, что, имея дело с тем или иным законом, субъект оценки, исходя из своего опыта жизнедеятельности, сопоставляет его с реалиями жизни, выявляя их соответствие или несоответствие. Однако не всегда соответствие может оцениваться однозначно положительно, а несоответствие – отрицательно. Это зависит от того, как осмысливается и оценивается роль закона в социуме, которым обладает субъект оценки.

При анализе юридического документа определяется, насколько хорошо его форма реализует свою правовую функцию. Так проявляется содержательность документа. Его форма чаще всего соотносится с его же содержанием, и здесь нет внешнего по отношению к нему критерия оценки. Эстетическая оценка юридического документа вступает в действие тогда, когда форма соотносится с внешним по отношению к нему критерием – с эстетическим идеалом субъекта оценки. Здесь важны как красивая организация юридического документа, так и содержание, соответствующее социальным и личным ожиданиям, а также эстетическим предпочтениям субъекта оценки.

Таким образом, изучение содержания и формы правового явления предполагает рассмотрение:

- во-первых, информационно-образной его выразительности (эстетически значимого содержания);
- во-вторых, внешней привлекательности (эстетически значимой формы);
- в-третьих, продуманности структуры объекта эстетической оценки (соотнесённости содержания и формы правового явления с его назначением и структурой).

Однако полагаем необходимым отметить следующее. Поскольку, как выше отмечалось, оценка выражает не знание, а мнение, то она не может быть истинной или ложной, но может быть справедливой или несправедливой. Вполне закономерен вопрос, что же здесь является критерием. Рассмотрим это на примере научной работы по праву. Всякий, кому приходится давать экспертную оценку юридической научной работе, знает, что такая оценка во многом зависит от степени понимания субъектом оценки анализируемой работы. Оценка, даваемая на основе беглого ознакомления с работой, может не только измениться при углублённом её прочтении. Отсюда можно сделать вывод о том, что важным условием справедливости оценки является степень понимания субъектом оценки того, что оценивается. И профессионализм субъекта оценки, его порядочность, научная добросовестность играют существенную роль при оценке юридической работы.

Теперь о некоторых методах эстетической оценки правовых явлений. В соответствии с эстетическими свойствами правовых явлений можно использовать следующие виды оценки: единая, общая и совмещённая.

Единая оценка основывается на сложившихся мнениях субъектов оценки (населения или профессиональных юридических экспертов) об эстетическом уровне правовых явлений без их детализации. Здесь в пример можно привести отношение к форме и символике сотрудников органов внутренних дел.

Общая оценка может проводиться тогда, когда требуется оценить разнотипные эстетические свойства

правовых явлений. В данном случае оценку предваряет исследование эстетических свойств того или иного правового явления: выразителен ли образ явления, актуально ли стилевое решение, рационально ли организована форма, не нарушена ли логика его подачи и т. п. На основе таких показателей вырисовывается общая картина эстетических достоинств и недостатков правового явления. В качестве иллюстрации могут быть названы символы различных силовых структур.

Совмещённая оценка использует результаты единой и общей оценок с целью их объединения и получения наиболее полной и точной информации об эстетической целесообразности правового явления и вынесения на этой основе обоснованного экспертного заключения. Исходя из вышесказанного показательным будет следующий пример: выглядит ли эстетически привлекательной символика силовой структуры на нововведённой форме?

Не требует особого пояснения то обстоятельство, что использование методов эстетической оценки напрямую зависит также от состава субъектов оценки и формы фиксации результатов оценки – например, качественной или количественной.

Таким образом, оценка есть итог сложного процесса восприятия правовой действительности. Оценки не появляются сами по себе. Критериями эстетической оценки правовых явлений выступает эстетический вкус, а также те эстетические идеалы и нормы, которые сложились в социуме. Вкусовые эстетические оценки проявляются часто непосредственно, в эмоционально-интуитивной форме (наиболее типичны: «нравится – не нравится»). Оценка,

основанная на идеале, как правило, более логически мотивирована, аргументирована. В эстетической оценке правовых явлений в синтезе выражаются как качества того или иного явления права, так и эстетический потенциал (уровень эстетического чувствования и сознания) субъекта права.

Оценку правовых явлений в общих чертах можно подразделить на две части: оценку содержания и формы того или иного явления права. Эстетическая оценка правовых явлений опирается на предшествующий опыт развития правовой культуры социума. В этом гарантия её преемственности, надёжности практических, теоретических и эстетических критериев. Но здесь же и трудность: абсолютизация эстетических образцов прошлого правового опыта может привести к возведению их в канон, а, следовательно, закрыть путь поискам нового в праве. Выход из этого противоречия – не столько в ориентации на развитый вкус субъекта оценки (это само собой подразумевается), сколько на выработку научных критериев осмысления права, основывающихся на глубоком понимании как структуры эстетиче-

ского явления или объекта права, его свойств, так и законов их развития.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Боров Ю.Б. Эстетика: учебник. – М.: Высшая школа, 2002. 511 с.
2. Бычков В.В. Эстетика: учебник. М.: КНОРУС, 2012. 528 с.
3. Магдалинская Ю.В. Эстетика права // Актуальные проблемы современного права в научных исследованиях молодых учёных-юристов: материалы научно-практической конференции аспирантов и соискателей (Москва, 5 июня 2012 года). М.: РПА Минюста России, 2012. С. 34–38.
4. Никитин А.В. Правовые символы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 1999. 24 с.
5. Никитич Л.А. Эстетика: учебник для студ. вузов. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2013. 207 с.
6. Пухова Т.Б. Эстетические основания права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2008. 26 с.
7. Радбрух Г. Философия права / Пер. с нем. докт. юрид. наук, проф. Ю.М. Юмашева. М.: Международные отношения, 2004. 240 с.
8. Сергеева С.Л. Проявление эстетики в праве, её культурная и социальная ценность // Актуальные проблемы российского права. 2010. № 3 (16). С. 21–27.

УДК 101.8:316

Киселев В.И.*Кемеровский государственный университет
(филиал – Новокузнецкий институт)*

ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ КОНВЕРГЕНЦИЯ СУБЪЕКТОВ СОВМЕСТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. В процессе перехода общества к рыночным отношениям значение прогнозирования и коррекции социальной напряженности, очевидно, будет постоянно возрастать, так как политика – это не только умиротворение социальных отношений, но и поддержание определенной активности – энергетической напряженности в поле совместной деятельности. В данной статье приводятся результаты исследования социальной напряженности не только в рамках академического учреждения, но и в условиях конкретного промышленного предприятия; утверждается её атрибутивная природа и концептуальный подход к мониторингу.

Ключевые слова: социальная напряжённость, совместная деятельность, интерес, налог, социальная справедливость, экономическая эффективность.

V. Kiselev*The Novokuznetsk Branch of Kemerovo State University*

THE ENERGY CONVERGENCE OF JOINT ACTIVITY SUBJECTS

Abstract. In the process of social transition to a market economy, the value of prediction and correction of social tension is likely to grow continuously, as policy is not only appeasement of social relations, but also maintenance of a certain working – energy tension in joint activities. This article describes the results of the studies on social tension not only within academic institution, but industrial enterprise as well stressing the attributive nature of tension and conceptual approach to monitoring.

Key words: social tension, joint activity, interest, tax, social justice, economic efficiency.

Совместная деятельность, как субстанциальная основа общественной жизни людей, связана с целенаправленным совершенствованием жизни человека и исторически складывающихся, в силу определённой специфики совместной деятельности, отношений в человеческом обществе, причём напряжённых отношений.

Напряжённость отношений в научной литературе имеет широкую предметную область и практически во всех областях выступает как серьёзная проблема совместной деятельности. Говоря о степени разработанности проблемы, уместно отметить, что в научных публикациях понятие «напряжённость социальная» стало использоваться в начале 90-х годов (Г.В. Осипов, В.О. Руковишников и др.). Оно сразу же вошло в обиход ведущих теле- и радиопрограмм, появилось

в лексиконе политических деятелей и экономистов. Довольно широко и продуктивно понятие «напряжённость социальная» используется в учебной литературе ряда обществоведческих наук. Смысл и значение *напряжённости социальной* раскрывается в ряде изданий справочной литературы.

Однако несмотря на многочисленные как прикладные, так и теоретические исследования, следует заключить, что проблема социального напряжения в современной научной литературе не получила должного освещения. Следует отметить, что понятие «напряжённость социальная» в основном употребляется в негативном значении и рассматривается как нежелательное явление (*феномен*) в социальной практике. Такой односторонний подход не корректен для современного российского общества, переживающего период социальных трансформаций.

Цель данной статьи, в которой социальная напряжённость рассматривается как атрибут совместной деятельности, – показать механизм энергетического обмена субъектов совместной деятельности на основе накопленного эмпирического материала. Иными словами, наша задача – обозначить основные моменты философской рефлексии социальной напряжённости в системе совместной деятельности.

Энергетическая напряжённость как активность в системе совместной деятельности, усилия субъектов деятельности определяются их воздействием на трудовую среду, при котором эти их целесообразные усилия обусловлены заинтересованной субъективностью в многокритериальной оптимизации наиважнейших принципов совместной и, прежде всего,

трудовой деятельности: «экономической эффективности» и «социальной справедливости». Исторически, с изменением условий совместной деятельности, изменялось отношение к производительному труду с точки зрения осознанности его необходимости, и на этой основе формировались определённые интересы.

Социальное понимание индивидуально-личностных и общих интересов как движущей силы производственной деятельности распространяется на экономическую, социальную и политическую активность, и прежде всего – субъектов – организаторов совместной деятельности, или, одним словом, работодателей.

При всём многообразии активных и пассивных форм и разновидностей обращения современных российских работодателей к социальным средствам защиты своих интересов можно предполагать их участие в решении вопросов как общенационального характера, так и частного. Под этим участием подразумевается самостоятельное принятие организационно-управленческих решений с целью поддержания активности определённой напряжённости труда в системе совместной деятельности собственного предприятия. Таким образом, политика, или организация совместной деятельности, – это не только и даже не столько умиротворение социальных отношений, сколько поддержание активности, определённой – *положительной – социальной напряжённости* в системе совместной деятельности [3].

Однако удерживать активность – положительную социальную напряжённость трудового коллектива предприятия – довольно сложная

задача, независимо, казалось бы, от тщательно выверенных принимаемых управленческих решений. В этой связи современному руководителю (собственнику) необходимо знать настрой, напряжённость совместной деятельности, её качественную и количественную стороны. Важно не только интуитивно чувствовать социальную конъюнктуру взаимобмена деятельностью (*энергией*), а постоянно вести на профессиональной основе мониторинг социальной напряжённости. Иными словами, необходима надёжная методика измерения, основанная на концептуальном, а главное – *естественном принципе энергетического взаимобмена*.

Зелёный лист, или, вернее, микроскопическое зерно хлорофилла, писал ещё К.А. Тимирязев, является фокусом, точкой в мировом пространстве, в которую с одного конца притекает энергия солнца, а с другого берут начало все проявления жизни на земле [4].

В самом общем смысле *Жизнь* можно определить как активное, идущее с затратой полученной извне энергии поддержание и самовоспроизведение специфической структуры. Из этого определения непосредственно вытекает необходимость постоянной связи организма с окружающей средой, осуществляемой путём обмена энергией.

Энергичное обоснование единства мира широко представлено в русской философии XX в. [2]. Думается, что в дальнейшем энергетическая концепция, построенная на научной и философской основе, будет весьма продуктивна не только в области гносеологии, но также и в разрешении проблем аксиологии: выбора ценностной ориентации и согласования интересов.

Конечно, в настоящее время нельзя не учитывать кардинальные перемены, произошедшие в стране, однако, с другой стороны, во всяком многообразии есть некое единство, а в изменениях – постоянство. Личность (Воля), людское общество (Нравственность) и природа страны (её естественно-географическое и политическое положение) – вот те три критерия в становлении российского работодателя и скрытой сущности – «изнанки» его политического интереса, который, по нашему убеждению, будет выкристаллизовываться всегда, при любой форме социальности. Отсюда и доминанта социальной справедливости в ценностной ориентации субъектов совместной деятельности при энергетическом взаимобмене.

Всё более и более в историческом плане *осознаваемый* взаимобмен энергией, определённым образом связывая людей в общество, воспринимается каждым субъектом как определённое «поле» совместной деятельности (эмпирический социум). Именно обмен, как утверждал Аристотель в «Никомаховой этике», связывает людей [1]. Эмпирически воспринимаемое поле социума, таким образом, – это тот элементарный уровень социальной организации, который реально (сознательно или на интуитивном уровне) формирует чувство удовлетворённости или неудовлетворённости от совместной деятельности. В этом универсальном определении – *поле социума* – вскрыта противоречивость деятельности, её неоднозначность, – нравственно-волевая или социально-психологическая природа, которая нивелирует психологическое разнообразие чувств субъектов совместной

деятельности, при этом детерминируя только одно их социально направленное действие. Жёсткость детерминанты во многом объясняется спецификой поля социума.

К сожалению, специфике российского поля социума всегда придаётся второстепенное значение, и неоправданно большое внимание уделяют западноевропейскому, причём часто копируя его без учёта российской реальности. Между тем интересы бизнеса западноевропейского и российского имеют не только экономическую схожесть, но и существенное социально-политическое различие. Если западноевропейский бизнес в своей концептуальной основе индивидуализма содержит частную собственность на землю (знаменитая «парцелла», при которой западноевропейский земледелец мог довольно продолжительное время жить автономно, постоянно заботясь об инновационном улучшении, и не только земледелия), то в России, как известно, в упомянутой форме частной собственности на землю никогда не существовало. Во все времена и при всех формациях в России была всегда надежда на «хорошего руководителя» (отсюда и командно-административная система и как её сопутствующий придаток – чиновничий произвол). Соответственно, если инновация и рациональность хозяйственная – это характеристики западноевропейского социума, то российского – иррациональность (и вера в руководителя). Без учёта российской специфики в совместной деятельности раскрутить «маховик» социально-экономического развития на инновационной основе – задача весьма затруднительная.

Только обострённое внимание российского бизнеса к рациональному соотношению принципов «экономической эффективности» и «социальной справедливости», гарантирующему баланс интересов большинства членов социума, гарантирует тем самым и возведение частной собственности в общесоциальную ценность.

В рамках статьи не представляется возможным затронуть основательно социальный аспект в контексте обозначенных проблем эффективности без опасения, что стиль изложения будет носить излишне публицистический характер, в то же время игнорировать эти проблемы – значит пренебречь реальностью. К примеру, крупнейшие, градообразующие предприятия Новокузнецка «в разы» сократили персонал 2-х крупнейших предприятий. Из 32 тысяч работников КМК на площадке – теперь уже под названием «Производство железнодорожного проката» – осталось менее 4 тысяч; на ЕВРАЗ ЗСМК из 35 тысяч на площадке «Производства строительного проката» осталось менее 22,5 тысяч работников. Омоложение бродяжничества стало обыденным явлением. Сегодня социальная проблема занятости работников высокой квалификации выходит на первое место, опережая многовековую проблему голода.

В этой связи возникает острая необходимость в социологическом обеспечении для так желаемой нами модернизации и применения инновационных технологий. Мониторинг социальной напряжённости, как фиксации «обратной связи» при осуществлении модернизации, пожалуй, можно признать наиболее эффективным инструментом – инструментом, позво-

ляющим выявить наиболее оптимальные в перспективе управленческие решения, кроме того, что особенно важно, определить наиболее рациональные рычаги раскрутки «маховика» социально-экономического развития.

Таким образом, приходится констатировать, что в настоящее время далеко не на всех предприятиях существуют службы по мониторингу социальной напряжённости. На многих предприятиях должность социолога даже не предусматривается штатным расписанием. Между тем совершенно ясно, что социолог не в состоянии один решить всего круга проблем, носящих социальный характер. Для этого (из практического опыта автора) необходимо, с одной стороны, создавать совместные (с другими службами) группы социологического анализа, а с другой – расширять систему обучения социальным знаниям руководящих работников предприятий различных форм собственности. Всё это в совокупности создаст практическую основу для использования мониторинга и прогноза социальной напряжённости в реальной жизни конкретного персонала различных предприятий, в рамках предлагаемой нами ниже концепции *энергетической конвергенции*.

Основные положения концепции энергетической конвергенции:

1. Каждый человек, как *живой организм*, находится в состоянии напряжения (неудовлетворённости существующим положением дел) в силу постоянно возникающей необходимости в удовлетворении фундаментальных потребностей: питания, продолжения рода, признания.

2. Фундаментальные потребности – питание, продолжение рода, призна-

ние – являются основой образования общества, причиной, основополагающим фактором совместной деятельности людей.

3. Любое объединение людей определённым образом организовано – структурировано. Даже самая примитивная организация немыслима без разнополюсных субъектов: организатора и исполнителя, работодателя (господствующего) и работника (подчиняющегося).

4. Обмен, сближение, уподобление (конвергенция) усилий (энергий) организатора и исполнителя сплачивает их при производстве и разобщает при распределении результата их совместной деятельности.

5. Каждый субъект совместной деятельности в той или иной мере стремится к свободе – к необременённости социальными связями. Однако каждый живой человек, в силу постоянно возникающей потребности в питании, продолжении рода и признания, социально «связан» обществом, так как только здесь, в обществе, в совместной деятельности, он может удовлетворить потребности в продолжение рода и признании. Без удовлетворения фундаментальной потребности признания нет и не может быть развития; человек вне общества деградирует.

6. С целью достижения наибольшей материальной эффективности в производственной деятельности, неременным условием или принципом действия которой является *взаимодействие – конвергенция энергий* (усилий организатора и исполнителя (работодателя и работника) на основе определённого баланса интересов каждой ведомой и ведущей сторон совместной деятельности), возникает необходимость постоянного развития справед-

ливых социальных отношений (достижения их совершенства).

Экономическая эффективность и социальная справедливость – диалектически связанные, внутренне противоположные стороны производства.

7. Как экономическая эффективность, так и социальная справедливость находятся в рамках интереса обоих субъектов деятельности. Однако процесс организации и, тем более, развития организации, с необходимостью требует доминанты эффективности в интересе руководителя. Естественно, как само собой разумеющееся, что в интересе исполнителя – доминанта справедливости. Разница отношений к условиям совместной деятельности есть источник, природа социального напряжения.

8. Социальное напряжение и его источник – разность отношений организатора и исполнителя к условиям совместной деятельности, как и сама совместная деятельность и её субъекты – организатор и исполнитель, – имеют место быть до тех пор, пока существует на Земле высшая форма организации живой природы – общество, какого бы уровня развития (формации) оно ни достигло. Нет и не может быть в принципе совместной деятельности без наличия основных её субъектов – организатора и исполнителя. Совместная деятельность без организатора – такая же бессмыслица, как и совместная деятельность без непосредственных исполнителей.

9. Основание отрицательной социальной напряжённости – это *несогласие с условиями совместной деятельности*; основание (причина) положительной – *возможность удовлетворения фундаментальных потребностей*.

Категориальный аппарат концепции Интерпретация основных понятий:

Социальное напряжение – *разность* отношений индивидов (и социальных групп) к условиям совместной деятельности.

Социальная напряжённость – нравственно-волевая характеристика совместной деятельности индивидов в поле определённого социума. Характеризуется как:

- явная – скрытая (латентная);
- положительная (позитивная) – отрицательная (негативная);
- высокая – низкая.

Особый случай – *потенциальная напряжённость* в ситуации равнодушия, безразличия к условиям и целям совместной деятельности.

Показатель социальной напряжённости – реакции (эмоции, т. е. чувство удовлетворения или неудовлетворения работника) на распределение результатов совместной деятельности или разности между затраченной энергией и полученным вознаграждением за вклад (энергию) в совместную деятельность. Показатель включает в себя напряжённость внутреннюю, внешнюю и общую:

- *внутренняя* – это напряжённость первого уровня, т. е. гомогенной группы определённой подсистемы совместной деятельности;
- *внешняя* – напряжённость второго уровня, т. е. гетерогенной группы подсистемы совместной деятельности;
- *общая* – напряжённость третьего уровня, т. е. напряжённость в обществе, системе совместной деятельности в целом.

Движущая сила общей социальной напряжённости – это *разность* отношений субъектов к условиям совместной деятельности.

Движущая сила внешней социальной напряжённости – это разница («борьба») двух противоположных принципов совместной деятельности: «социальной справедливости» и «экономической эффективности».

Движущая сила внутренней социальной напряжённости – это разница («борьба») двух противоположных сторон, интенций субъекта – волевой и нравственной.

Предлагаемая нами концепция энергетической конвергенции поля производственной деятельности позволяет решить лишь самые общие проблемы стабилизации социальной напряжённости. Постановка вопроса легитимности частной собственности как общесоциальной ценности свидетельствует прежде всего о необходимости дальнейшей разработки обозначенной проблемы: поиске соб-

ственного пути социально-экономического развития, присущего российской ментальности.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Аристотель. Никомахова этика. Сочинения: В 4-х т. / Пер. с древнегреч.: Общ. ред. А. Доватура. М.: Мысль, 1984. 830 с.
2. Бузук Г.Л. Энергичное обоснование единства мира в русской философии XX в. / Г.Л. Бузук, И.И. Семаева // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2013. № 1. С. 35–45.
3. Киселев В.И. Взаимодействие как основа соединения усилий организатора и исполнителя // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2014. № 2. С. 40–48.
4. Тимирязев К.А. Избранные сочинения в 4-х т. Т. 2 / К.А. Тимирязев. М.: ОГИЗ-Сельхозгиз, 1948. С. 342–343.

УДК 316.33

Равочкин Н.Н.*Кузбасский государственный технический университет им. Т.Ф. Горбачева***ПРОБЛЕМА ВОСПРИЯТИЯ ИДЕОЛОГИИ КАК ТИПА ДУХОВНОГО
ОСВОЕНИЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ**

Аннотация. Проблема научного осмысления феномена идеологии широка и многогранна. Апологеты данного явления не устают повторять, что идеология в лучших её проявлениях позволяет зафиксировать суть характера эпохи, определить движущие силы мирового развития и дать адекватную панораму и перспективу истолкования происходящих процессов через призму идеалов. Однако в действительности нередко оказывается, что идеология служит оправданию жестоких в своей имплицитной сущности парадигм, обслуживает интересы политических элит по завоеванию или удержанию власти и направлена на поляризацию общественных ценностей. Статья направлена на выявление сущностных характеристик феномена идеологии и раскрытие его социальных и духовных оснований.

Ключевые слова: идеология, ценности, религия, традиционализм, культура.

N. Ravochkin*Kuzbass State Technical University named after T.F. Gorbachev***THE PROBLEM OF IDEOLOGY PERCEPTION AS A TYPE OF SPIRITUAL
EXPLORATION OF REALITY**

Abstract. The issue of scientific understanding of ideology is large-scale and multi-faceted. Ideologists keep on advocating that the subject of their expertise in its best manifestations allows to outline the nature of an epoch, to identify the driving forces of the global development and to provide an adequate panorama and perspective of current processes through the lens of ideals. However, in fact ideology is often used to justify implicitly cruel paradigms, serving the interests of political elites to win or retain power, and is generally aimed at polarizing social values. The article attempts at revealing the essential features of ideology and disclosing its social and spiritual roots.

Key words: ideology, values, religion, traditionalism, culture.

*Не вокруг тех, кто измышляет новый шум,
а вокруг изобретателей новых ценностей
вращается мир.
Фридрих Ницше*

Субъективное признание ценностей, как аксиологический акт, лежит в основе понимания идеологием прошлого и современности. От индивидуалистических сентенций Милля и риторики традиционализма Бёрка, от формационно-исторических построений Маркса, до фундаменталистских призывов современных

радикальных религиозных деятелей; от идеологий, постулирующих экзистенциальную решимость, до христианского призыва к смирению, – всё базируется на интерпретации ценностных ориентиров, в основе которой – социальная рефлексия по поводу процессов сохранения, развития и преобразования человеческих сообществ. Великое в своём онтологическом основании назначение идеологии есть неизбежное следствие фундаментальной важности для человека следовать и руководствоваться ценностными основаниями. В таком восприятии идеология есть гносеологический инструмент, используемый людьми для испытания тех или иных ценностных доктрин.

Между тем идеология не «вырастает» из науки. Наука – система аргументаций и доказательств. Это независимая, «не ангажированная» мысль. Продукты науки безличны, они не направлены на скорейшую экстраполяцию её достижений на область социально-политического бытия. Наука – это конструктивное поле теоретических изысканий, имеющих общезначимое назначение.

Идеология же всегда – подвижность ради самоутверждения. Идеология есть чувственное «овладение» ценностью. Она стоит на ценности, на субъективной оценке мира, дающей руководство, как жить, во имя чего жить. Императивы идеологии действуют фрагментарно и персонифицированно. В её основании всегда можно наблюдать конгломерат не поддающихся сомнению истин и доктринальных установок, которые обладают, по сути, фрустрирующей сущностью – кодификации и интерпретации смыс-

лов в зависимости от базовых ценностных установок.

Хотя в «Элементах идеологии» А.Д. де Траси она определяется именно как наука о мыслях человека, прямых ассоциаций с наукой явление, вошедшее в социально-политическое бытие людей под наименованием «идеология», не несёт. Вместе с этим мы наблюдали, сколь мощно и быстро идеология показала свою силу в XX в. Она явила себя концентрацией интеллектуально-духовного опыта людей, раскрываемой посредством политических инструментов воздействия. В силу своей системности идеология стремилась утвердиться (и утвердилась) в качестве феномена, по своей природе максималистского, стремящегося заменить собой и абстрактную теорию, и *внеидеологические* построения. Первопроходец постижения идеологии в научном кондоминиуме, А.Д. де Траси, предрекал ей именно торжественное шествие как новой науки чуть ли не по руинам науки пережитой. По его мнению, идеология должна была вытеснить философию с её места королевы всех наук и сыграть главную интегрирующую роль в объединении всего социального познания. Чем не политическая в своём основании амбициозность и тенденциозность родоначальника «науки об идеях»?

Большее количество корреляций, чем при сопоставлении науки и идеологии, мы наблюдаем при сопоставлении онтологической природы идеологии и веры. В этом случае мы отмечаем, что человечество располагает тремя консолидирующими духовными ресурсами – верой в формате религии, верой в формате идеологии и верой в формате утопии. Эти ресурсы – и ре-

зультат, и средство поиска индивидами ценностных оснований в окружающей действительности, основа группового единения или противостояния.

В то время как идеология не является знанием в научном понимании этого слова, она представляет собой знание, «осеяемое» силой убеждённости и направленное на конкретное действие, будь то идеологемное восприятие действительности, или экстремистское поведение. Нередко идеология как род «нелогического евангелия» оказывается питательной основой всякого рода эсхатологических надежд, хилиастических чаяний, в пределах которых развиваются питательные слои смыслообразующих тезисов и воззваний. Вне убеждённости (учёной, религиозной, политической), движимой верой в отстаиваемые взгляды и смыслы, нет идеологии. Сама же идеология – теоретизированная модель или интерпретация ценностного восприятия мира, что непосредственно роднит её с верой религиозного характера.

С гносеологической точки зрения вера в формате религии есть именно ценностная категория, высший алгоритм поведения индивида, стабилизирующий деятельность и упраздняющий неопределённость. В идеологических построениях высшую волю, как правило, заменяют ценностно ориентированные выводы философов, публицистов или даже авантюристов, что не мешает их идеям завоёвывать признание масс. И в том, и в ином случае мы говорим о субъективной вере в определённый набор ценностей, ретранслируемых церковью, в одном случае, и идеологами – в другом.

Однако идеология оставалась бы абстрактной величиной, если бы не

предстояла перед нами и в ином своём функциональном качестве – как инструмент макросоциальной коммуникации. Это качество идеологии, всегда направленной на развитие социального взаимодействия в нужных плоскостях мироизмерения, в современном мире масштабно актуализируется.

Чем более сложной становится система коммуникаций в современном мире, чем быстрее распространяется информация; чем разнообразнее становится взаимодействие социальных групп между собой, тем шире становится потенциальное поле развития и применения идеологических построений.

Современный мир, пройдя через глобальные войны, столкнувшись с вызовами терроризма и фундаментализма, вместо философии морали требует философию практики, внутри себя систематизирует и, тем самым, возвращает новые вызовы и потребности в новых формах идеологии. Сегодня социальный запрос к философии – быть действенной – становится ещё более выраженным, так как глобализация набирает обороты. К философии с её прогностической и гуманистической функцией предъявляется требование встать на место морали в обществе и дать анализ реального социального процесса. Этого не может дать наука, но способна – идеология. Спекулятивное знание об обществе, выводимое из какой-либо общей идеи может восприниматься сегодня, между тем, как и всегда, и как научное достижение, и как убеждённость на основе веры. Насущная потребность сегодняшнего дня в таком восприятии вырастает в прямой зависимости от необходимости систематизировать информационные потоки и управлять ими.

Идеализм, глубинный и деятельный, свойственный всем социальным наукам, перестаёт соответствовать логике программирования и сетевых коммуникаций. Соответственно, следует ждать нового всплеска идеологических доктрин, претендующих на ясность сознания и столь же опасных в потенциале, сколь глубоко научными они могут выглядеть при первом рассмотрении. Современное человечество действительно нуждается в объективном анализе самого себя. Но может ли и должна ли идеология выступать инструментом такого самоанализа?

Масштабность воздействия на умы, фиксация ненаучной (или псевдонаучной) специфики идеологии в совокупности с новыми вызовами времени заставляют многих философов рассуждать о трансцендентном характере этого явления. Под удар ставится традиционное рассмотрение идеологии. Согласно взглядам Л. Альтюсера, например, термином «идеология» нужно именовать не систему конкретных знаний, а реальные духовные образования, а иногда даже соответствующие им институты [1]. По мнению мыслителя, идеологией являются гуманизм, искусство, мораль и т. д. Общий критерий причисления к идеологии один: все эти феномены различным образом закрепляют желания, интересы (в этой связи вспоминается также Э. Блох с его «философией надежды» [2]). Именно идеологии и формируют субъекта, внушая ему мысль о свободе, которая на самом деле у него отсутствует. Поэтому исторический процесс следует рассматривать как бессубъектный. Такое обращение к сути идеологии фактически отрицает те черты, которыми её традиционно наделяют.

К трансцендентному восприятию идей и, по сути, любой системы мыслей всегда тяготело и русское философско-религиозное интеллектуальное сообщество. К примеру, противостояние западничества и славянофильства, явленное историей русской философии, само выглядит как иллюстрация возможности идеологизации философских подходов, хотя само понятие идеологии фактически отсутствует в исследованиях мыслителей. Идея соборности А.С. Хомякова или теория соотношения земли и государства К.С. Аксакова хоть и выступают «духом» великодержавности, *идеологичностью* в полном смысле этого слова не обладают, но претендуют на нечто большее. Это касается и изысканий в области политической теории. Исследование, например, И.А. Ильиным народного консерватизма или русского патриотизма попадает в канву русской идеи, то есть идеи национальной, трансцендентной.

Современная отечественная мысль, пройдя через горнило всё выхолащивающей и уничтожающей здоровое восприятие тоталитарной идеологии, разочаровавшаяся в полученных результатах исследования идеологических процессов, ассоциирует теперь саму идеологию исключительно с негативом в социальной жизни, а в сфере духа само слово «идеология» попадает чуть ли не в ряд бранных [3]. Но и подобное восприятие не снимает с повестки дня животрепещущей проблемы использования идеологии, что, в частности, выражается в перманентном поиске представителями нынешней власти пресловутой «национальной» идеи.

Интегрируя имеющиеся представления (и традиционалистские, и но-

ваторские) об идеологии как о специфическом типе духовного освоения действительности, следует сказать, что наиболее часто сущность идеологии характеризуют через следующие качества. Данное духовное образование создаётся «творцами» для определённых целей. Будучи разными по содержанию, эти цели, тем не менее, обязательно включают в себя претензию на манипулирование (или «благотворное» воздействие, если речь идёт, к примеру, о националистических доктринах) сознанием человека. Чтобы данная функция была осуществима, идеология с необходимостью опирается на некоторую философскую систему, которая её «освящает». В целом, идеология предстаёт как доктрина, то есть некоторая целостная теоретическая концепция, претендующая на статус предельно общего духовного образования данного состояния социума, которая в нём является одной из его движущих сил.

Однако, используя данное восприятие, практически невозможно ответить на вопрос, что служит основанием преобразования идеологических, по сути, доктринальных установок в своеобразную веру людей, нередко несущую идеи самопожертвования во имя этой веры или экстремистского поведения.

Безусловно, идеология – не религия. Но почему в дополнение к ценностям религиозным люди являют потребность в ценностях идеологизированных? В Европе, например, существует доктрина протестантизма, который имеет сравнительно долгую историю. Его воспевание труда и обращённость к каждому во многом сглаживают проблемы глобализирующегося капитали-

стического сообщества. Но повседневность требует сугубо рационального, нерелигиозного отношения к миру. Общая особенность исторического развития человека такова, что мифологическая составляющая культуры, как и религии, должна постоянно адаптироваться к меняющимся условиям. Поэтому вне сугубо религиозной догматики протестантизм, как и любая иная религиозная система ценностей, не может выполнять задачи достаточного обслуживания потребностей социума. Обобщённые религиозные установки и ценности не могут полностью удовлетворить прагматичным запросам людей, требующих право на политическое участие или социальные выгоды. В данном случае на первый план выходит та нормативность, которая, в отличие от права, никогда не утрачивает своих позиций в урегулировании социальной жизни и игнорируется базовыми религиозными категориями. Речь идёт не о простой морали и моральной адаптации человека к обществу. Люди не только предпочитают всем делениям социальности поиск «хороших» и «плохих», но и востребуют программу действий, некую общую платформу обоснования и оправдания собственных взглядов и мотивов поведения. В этом плане религия им не интересна. Им становится интересна иная вера – вера в идеи, или в идеологию. Даже классическая метафизика не избегает констатации подобных потребностей людей, что прослеживается и в трудах И. Канта, и в работах Г.В.Ф. Гегеля.

Из этих оснований мы выводим утверждение, что идеология востребована обществом и будет оставаться таковой, в силу того, что она имеет непосредственное отношение к цен-

ностям индивидов, экстраполируемых при помощи идеологического инструментария в область социального и политического взаимодействия с целью упорядочения этого взаимодействия и оправдания соответствующих действий. Так как *ценности* есть всегда категория, предполагающая в большей степени духовное восприятие, нежели рационально-прагматическое, следует утверждать, что идеология во всех её вариациях являет собой естественную форму постижения действительности, онтологически духовную, но приобретающую рационально-прагматическое выражение и направленную, или оправдывающую определённые действия или характер взаимодействия людей. Проявляясь как рациональная доктрина, в своём основании идеология имеет духовно-ценностные потребности людей. Не случайно родоначальники многих идеологических течений – учёные, религиозные деятели, достижения которых обеспечивают необходимую ценностную глубину идеологическим построениям или практикам.

У любой духовной культуры, как то религии, всегда есть потребность в несколько ином рассмотрении идеального бытия. И это, даже внутри религиозных конфессий, вызывало к жизни идеологические в своём основании течения (всевозможные ордены в католической церкви, старообрядчество – в русской, сектантство – в лоне протестантизма). К тому же, обращение к традиции, свойственное религиозным догматам и построениям, как основной способ закрепления и передачи информации сегодня уже не может быть панацеей в её существовании. Это касается всех сторон человеческого духа. Общим мо-

ментом выступает резко возрастающее число источников информации, обретение ими самостоятельного статуса и, как следствие этого, их автономное существование. Если ещё недавно всё содержание европейской социализации базировалось хотя и на очень непросто, ёмком, но всё же одном источнике, которым была Библия, то теперь в том же протестантизме разнообразие внутренних течений нередко ставит преграды в понимании между верующими. Развитие науки приводит не только к углублённому пониманию накопленного опыта, но и заставляет соотносить её разные направления. Насущным становится реальный ориентир в нарастающей информации. По нашему мнению, это ориентир идеологический.

Традиционные идеологические течения не теряют своей силы сегодня. Они трансформируются в соответствии с новыми запросами своих социальных контрагентов. Базовые ценности остаются, но меняется риторика тех или иных идеологов. Сегодня мы говорим о неомарксистах, неолибералах, о новых видах патриотов и консерваторов. Преломление и модификация традиционных политических идеологий как запрос времени и нового состояния общественности – глубокая и интересная тема, как и появление новых идеологических доктрин, будь то экстремистские, неонацистские или экологические доктрины и течения. Мир меняется, но запрос на духовно-ценностные ориентиры в пространстве социально-политического бытия у людей остаются. Эти запросы и есть первопричина идеологий.

Идеология – не только запрос, но и яркая форма самовыражения. Как ни парадоксально, но, используя ритори-

ку Б. Латура, можно утверждать, что идеология помогает восприятию людей «выйти за рамки общественного», то есть почувствовать уникальность, особенность и жизненно важную значимость своих установок. Догматичность идеологического сознания в этом смысле выступает уникальной его чертой, поскольку позволяет индивидууму в своём сознании подняться над «обыденными» потребностями обезличенного социума и заявить о своих целях и желаниях, обоснованных собственной верой в формате идеологии. Нам представляется, что эта потребность – то, к чему всегда будут стремиться люди.

Исходя из наших размышлений, мы считаем возможным для себя определить идеологию как систему ценностей, являющей собой особый вид духовности – веру в формате идеологии. Потребность в подобной вере обуславливается развитием и дифференциацией человеческих сообществ, а её современная фрагментация обоснована ускорением процессов градации и умножения социальных кластеров и коммуникационных каналов.

В силу сказанного можно утверждать, что влияние идеологии на общественно-политическое развитие будет и далее ощущаться повсеместно, и усиливаться там и тогда, где и когда будет увеличиваться общественная потребность в провозглашении и защите определённых ценностных установок, либо оправдании определённых, в том числе насильственных, действий. Уси-

ливающаяся общественная неоднородность, порождающая в социальных отношениях различные темпоральности и идеологические запросы, будет только содействовать появлению новых идеологических доктрин, кардинальной интерпретации прежних установок или обоснованию необходимости радикализации поведения, в том числе протестного, со стороны отдельных социальных групп.

Отметим также сложносоставную структуру функциональной значимости и практического использования идеологии. Зарождаясь в недрах интеллектуального сообщества, она, посредством политического применения, со временем становится традиционной частью и смысловой коннотацией во взаимодействии отдельных социальных групп, превращаясь, в свою очередь, в новый социально-политический запрос. Идеология, таким образом, есть циркулирующая в недрах самого общества константа, определяемая существующим форматом и балансом ключевых общественно-политических ценностей.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Альтюссер Л. Ленин и философия / Пер. с фр. Н. Кулиш. М.: Ad Marginem, 2005. 176 с.
2. Блох Э. Тюбингенское введение в философию. Екатеринбург: Изд-во Уральского Университета, 1997. 400 с.
3. Мамардашвили М. Ускользающий контекст. Русская философия в постсоветских условиях. М.: Ад Маргинем, 2002. 384 с.

УДК 316.662.2(73)

Судаков С.С.*Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации***СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ ДИНАМИКИ
«АМЕРИКАНСКОЙ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОСТИ»**

Аннотация. В данной статье раскрываются культурные основания, формы и закономерности динамики мифологемы «американская исключительность». Автор обосновывает три основные закономерности, которые объективно проявились в результате утверждения в жизни граждан США данной объединяющей их мифологемы. Выделяются основные тенденции в истории развития страны и исследуемой мифологемы. Обосновываются объективные причины и субъективные факторы, которые предопределили устойчивые тенденции в изменении форм мифологемы, а также устойчивых её связей с государственной политикой страны, с моральными ценностями, с изменениями в общественном сознании и самосознании граждан.

Ключевые слова: мифологема, общественное сознание, исключительность, американская исключительность, динамика, политические интересы, феномен.

S. Sudakov*Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign
Affairs of the Russian Federation***SOCIO-PHILOSOPHICAL ANALYSIS OF THE DYNAMICS
OF "AMERICAN EXCEPTIONALISM"**

Abstract. This article deals with cultural foundation, forms and patterns of the mythologem "American exceptionalism". "American exceptionalism" was an integrating factor for American nation that brought to life three basic regularities. The author highlights the major trends in the history of the country and the dynamics of the mythologem under study and substantiates objective reasons and subjective factors which determined sustainable tendencies in the dynamics of the forms of "American exceptionalism" as well as its ties with the state policy, moral values, changes in public and individual consciousness.

Key words: mythologem, public consciousness, exclusivity, American exceptionalism, dynamics, political interests, phenomenon.

Сегодня в научной литературе активно осмысливается феномен мифологемы «американская исключительность», который был осознанно внедрён в общественное сознание и идеологию США на определённом этапе становления данного государства.

С изменением особенностей и содержания жизни людей, которые создали новое государство на территории американского континента, с появлением но-

вых культурных достижений в материальной и духовной сферах, а также с необходимостью разрешать возникающие противоречия мифологема «американская исключительность» приобретала новые формы, статус и роль. Данный процесс, преломляясь и воплощаясь в новых формах, приобретал определённую тенденцию, направленность, что отражалось и закреплялось в таком понятии, как «динамика американской исключительности».

Основанием данного процесса было формирование и утверждение в сознании граждан страны совокупности этических воззрений, определённой системы ценностей, принципов, норм и правил. Они не только способствовали большей эффективности агитационного и пропагандистского воздействия государственных СМИ на умы людей, но и обеспечивали своеобразную «безупречность» рассматриваемой мифологемы в отношении мировоззренческих установок, которые были «нужны», поскольку конкретизировали цель и смысл бытия этих людей. Например, с моральных позиций эти ценности обосновывали:

- суверенность бытия человека и самого человека;
- диалектику свободы самого человека, а также прав и обязанностей каждого гражданина перед сообществом;
- равенство всех граждан в отношениях между собой;
- высшую ценность – жизнь человека;
- сохранение и приумножение государства этих граждан как самого справедливого и единственного в мире.

Характерным являлось то, что моральное измерение развития мифологемы «американская исключи-

тельность» обуславливало появление различных благ. К ним можно отнести:

- позитивные изменения в содержании общественных отношений внутри страны;
- открытость идеологии и политики государственной власти в стране;
- достаточно высокие нравственные личностные качества «отцов-основателей» американского государства;
- становление таких социально-экономических условий, которые обуславливали более высокий уровень развития американского общества по сравнению с другими странами мира.

Следует отметить, что в рамках изменения социально-экономических условий, которые привели американское общество к позитивному развитию, использовалось «вмешательство» государства в экономику. Оно имело следующие формы: регулирование, регламентация, финансовая поддержка в виде правительственных дотаций для поощрения промышленности и лотерей, предоставление различного рода привилегий, доходящих иногда до монополии. Немаловажное значение во многих штатах имели прямые правительственные инвестиции в различные компании, деятельность которых считалась особо важной для экономического развития.

Можно сказать, что в экономической сфере мифологеме «американской исключительности» более созвучными, более притягательными оказались политические шаги государственных руководителей «джефферсоновского» и «джексоновского» движений. Они не только обосновывали идею о безграничных возможностях Америки и «простого человека», о мудрости и

компетентности «простого человека», способного самым наилучшим образом позаботиться о своей жизни и сделать всё собственными силами, но и реально воплощали их в жизнь.

В целом, в период до первой половины XX в. развитие мифологии «американская исключительность» происходило следующим образом: от мифа к логосу – от логоса к «идеологеме» – от «идеологемы» к государственной политике – от государственной политики к общественному сознанию – от общественного сознания к самосознанию граждан страны.

Социально-философский анализ этих изменений позволяет выделить следующие тенденции-закономерности.

Во-первых, закономерностью развития мифологии «американская исключительность» является взаимообусловленный синтез индивидуализма и коллективизма, детерминирующий формирование «американской мечты».

Справедливости ради необходимо сказать, что эту тенденцию в определённой мере уже выделяли новоанглийские трансценденталисты и романтики [5, p. 405].

Характер воздействия данной идеи на людей в процессе освоения новых земель был таков, что это нашло отражение не только в общественном мнении, но и в политике государства.

Согласно индивидуализму, главной движущей силой развития общества и человека является он сам. Знаменитая формула «**self – made – man**» составляет имманентно присущие только человеку внутренние цели, средства, противоречия. Потенциал человека выступает как саморазвивающаяся система, содержание которой не зависит от социокультурных условий её бытия,

от степени развитости социума и его сфер жизнедеятельности.

Иными словами, в определённом содружестве индивидуализма и коллективизма в американском национальном сознании стала занимать установка на успех или так называемая «американская мечта».

Во-вторых, закономерным в развитии мифологии «американской исключительности» является единство процессов дифференциации и интеграции её различных форм, сочетания идеологемы и реальной политики государства. Данная тенденция обнаруживает следующее: развитие «американской исключительности» осуществлялось и осуществляется в единстве не только индивидуализма и коллективизма, как двух противоречащих тенденций, имеющих по факту иногда противоположные (и иногда – взаимоисключающие) направленности, но и в рамках устойчивого симбиоза мифологии как государственной идеологии и реальной внутренней и внешней политики государства.

Взаимосвязь и взаимообусловленность мифологии и государственной политики в динамике «американской исключительности» достаточно наглядно просматривалось и во внешней политике США. Наиболее образно данная взаимообусловленность была отражена в «формуле» внешней политики, сформулированной Т. Джефферсоном. Она звучала следующим образом: «Мир, торговля, честная дружба со всеми нациями, обязывающих союзом – ни с кем» [4, с. 238].

В сущности, взаимосвязь «американской исключительности» и государственной политики, в контексте динамики данной мифологии,

обуславливалась тем, что политика США, с момента их образования, характеризовалась следованием двум принципам: федерализму и системе сдержек и противовесов.

Следует отметить, что данные регулятивы были разработаны, чтобы предотвратить чрезмерное усиление отдельных лиц, фракций, регионов или правительственных органов. А это и есть воплощение «американской исключительности» посредством государственной политики в реальную канву бытия страны.

Сегодня связь мифологемы и государственной политики закреплена в государственной идеологии – «американизме», которая насчитывает множество форм проявления этого феномена. Наиболее полно она проявляется во внешней политике США.

В-третьих, в качестве закономерности развития мифологемы «американская исключительность» следует выделить возрастающее включение в её содержание «формального» морально-нравственного содержания. Это проявляется в том, что развитие «американской исключительности» стало соотноситься и соизмеряться с «постулируемыми» ценностями бытия человека и человечества, с его будущим, базирующимся на «американской» трактовке блага и связанных с ним пониманиях «добра» и «зла».

Иными словами, процессы изменений в мифологеме «американская исключительность» в её формах «наполнялись» трактуемыми, в большей степени, государственными учреждениями, рядом религиозных и общественных организаций, СМИ «собственно американскими элементами моральных ценностей».

Конечно, в первую очередь такими моральными ценностями стали те, которые обеспечивали экономический рост страны. А это было фактом практически «повседневного опыта». По этому поводу известный немецкий социолог, философ, историк, политический экономист М. Вебер сказал, что идеалом для американского капитализма является «кредитоспособный «честный» человек». Для него характерно «сознание» обязанности для каждого умножить свой капитал, ибо это есть его самоцель, вопрос долга. Учёный отмечал: «Это уже не житейский приём, а своеобразная «этика», нарушение которой рассматривалось не только как неразумность, но и как своего рода нарушение долга. Это уже не деловитость, здесь её присутствует немало, а целый этос. Он требует от человека преданности «делу», призвания, заключающегося в добывании всё новых и новых денег, ибо именно такая преданность связана теснейшим образом с победой в борьбе за экономическое существование» [1, с. 64].

Как результат, деловые люди превратились в признанных лидеров нации. Хвалебные биографии бизнесменов стали популярным и прибыльным литературным жанром. При этом даже юристы, призванные, казалось бы, стоять на страже законности и справедливости, превратили свою профессию в прибыльный бизнес.

В содержание моральных ценностей мифологемы «американская исключительность» стал активно внедряться «утилитарно-прагматический» компонент.

Коснулся он и религиозных оснований мифологемы. А это очень важно, так как в жизни граждан США в боль-

шой степени присутствует религиозный фактор. Однако, связь моральных ценностей, религиозных канонов и экономических успехов оказалась удивительно «переплетённой».

На это обратил внимание один из самых влиятельных религиозных деятелей и теоретиков XX в. Р. Нибур. Он подчеркнул, что американцы являются «одновременно самым религиозным и самым секулярным народом в мире». Всё дело в том, считал он, что американская религиозность «объясняется существованием у нас религии в двух формах: одна осуждает евангелие процветания, успеха и достижения рая на земле, другая же претендует на обеспечение религиозных инструментов для достижения этих целей» [2, с. 36].

В действительности получалось, что в процессе динамики «американская исключительность» пришла к тому, что допустила в рамках общепринятых морально-этических норм и принципов самую широкую свободу мнений и действий. Например, критика высокопоставленных государственных и политических деятелей, включая и президента страны, стала своеобразной американской традицией. По этому поводу историк У. Манчестер писал: «Эндрю Джексона изображали нарушителем супружеской верности, Линкольна – обезьяной, Гарри Трумэна – неудачным торговцем галантереей, Томас Джефферсон был «сумасшедшим Томом». Досталось даже Вашингтону» [3, с. 64]. Как отмечалось исследователем, Вашингтон восклицал, что его обвиняют в том, что он является врагом Америки и находится под влиянием иностранной державы. Более того, президент досадовал, что каждый шаг его правительства иска-

жается «в таких преувеличенных и неприличных выражениях, которые вряд ли можно было бы употребить по отношению к Нерону, общеизвестному банкроту, или даже к обыкновенному карманному вору» [3, с. 64].

Исследовав основные компоненты «американской исключительности», Г. Кроули сделал следующее обобщение: «Свобода мнений, которой мы гордимся, большей частью состояла в провозглашении приемлемых общепринятых мнений с такой вызывающей убеждённой, как будто мы провозглашаем самую дерзкую и возвеличенную ересь. Составляя такой парад единообразия интеллектуальной независимости, американец сознательно неискренен. Он готов бороться за свои убеждения, но его действительно фундаментальные убеждения ограничены рамками общепринятых мнений, стандартов и стереотипов. Его различия с остальными сопряжены с различиями в отдельных интересах и деталях. Когда американец громкогласно провозглашает свою веру, он во многом напоминает буйвола, который, вырвавшись из стойла, с фырканьем носится вокруг скотного двора, при этом кидаясь на всех в пределах досягаемости своих рогов. Так, приводимый в пример буйвол вполне может считать, что он предлагает миру самое лучшее проявление агрессивной индивидуальности, в то время как в действительности он ведёт себя так же, как все буйволы с начала своего приручения» [6, р. 420–421].

Примерно о таком же аспекте моральной ценности, включённой в «американскую исключительность», писали Дж. Нэйтан и Г. Менкен. Они отмечали: «То, что лежит за внешней

смелостью (американца), – это в действительности не независимый дух, а талант кричать вместе с толпой. Когда американец чрезвычайно самоуверен, это явный признак того, что он чувствует за собой толпу, слышит её поощрительные крики и убеждён в том, что его доктрина одобряется. Он вовсе не бескорыстный соучастник. Он присоединяется к чему-либо, будь то политическая партия, церковь, братская организация или же одна из идиотских организаций, которые постоянно опустошают страну, поскольку присоединение даёт ему чувство безопасности, делает его частью чего-то большего и более надёжного, чем он сам, представляет ему шанс дать выход своим чувствам и энергии, ничем не рискуя» [7, р. 241–242].

Следует обратить внимание на то, что в значительной мере конформизм – это путь обеспечения респектабельности тем, кто не уверен в том, что они в достаточной степени респектабельны в данной общности, принятия в которую они добиваются. Особенно наглядно это проявлялось в процессе «американизации» следовавших друг за другом поколений американских иммигрантов. Очутившись среди незнакомого социального окружения, непривычных природных условий, иммигрант оказывался перед объек-

тивной необходимостью быстро адаптироваться, по крайней мере внешне, к общепринятым нормам и стандартам поведения. Приспособление – это необходимый компонент включения в структуру нового общества. Следовательно, данная моральная составляющая, утверждающая ценность стандартов, действующих в США, – это есть распространение форм моральных ценностей в жизнь граждан страны.

Таковы закономерности динамики «американской исключительности» и её содержания.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. М.: Прогресс, 1983. 808 с.
2. Кислова А.А. Христианский социализм. М.: Наука, 1976. 207 с.
3. Манчестер У. Убийство президента Кеннеди. М.: Прогресс, 1969. 560 с.
4. Севостьянов Г.Н., Уткин А.И. Томас Джефферсон. М.: Мысль, 1976. 393 с.
5. Cooper B., Kornberg A., Mishler W. The Resurgence of Conservatism in Anglo-American Democracies. N.Y.: Duke University Press, 1988. 464 p.
6. Croly, Herbert. The Promise Of American Life. N.Y.: Create Space Independent Publishing Platform, 2013. 330 p.
7. Mencken H.L., Nathan G.J. The American Credo a Contribution Toward the Interpretation of the National Mind. N.Y.: Alfred A. Knopf, 1920. 192 p.

НАШИ АВТОРЫ

Бакурадзе Андрей Бондович – кандидат педагогических наук, доцент, проректор Московского государственного университета технологий и управления имени К.Г. Разумовского (Первый казачий университет); e-mail: bondovich@mail.ru

Беляева Зоя Константиновна – соискатель кафедры философии Московского государственного областного университета; e-mail: fregat-gaide@yandex.ru

Горбунов Александр Сергеевич – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Московского государственного областного университета; e-mail: gorbunofff@list.ru

Горностаева Людмила Геннадьевна – кандидат культурологии, доцент кафедры философии и социально-гуманитарных дисциплин Российского государственного университета правосудия; e-mail: L_gornostaeva@mail.ru

Киселев Виктор Ильич – кандидат социологических наук, доцент кафедры менеджмента и маркетинга Кемеровского государственного университета; e-mail: ilichsteel@mail.ru

Коровин Сергей Валерьевич – аспирант кафедры философии, экономики и социально- гуманитарных дисциплин Воронежского государственного педагогического университета; e-mail: korovinsw@mail.ru

Песоцкий Владислав Анатольевич – доктор философских наук, заведующий кафедрой философии Московского государственного областного университета; e-mail: kaf-filosof@mgou.ru

Равочкин Никита Николаевич – соискатель кафедры философии Кузбасского государственного технического университета имени Т.Ф. Горбачева; e-mail: nickravochkin@mail.ru

Соколов Максим Михайлович – соискатель кафедры философии Вологодского государственного университета; e-mail: kant2010@yandex.ru

Судаков Сергей Сергеевич – докторант кафедры политической теории Московского государственного института международных отношений; e-mail: sssudacov@mail.ru